

ЧЕТВЕРГОВАЯ СОЛЬ

№ 4 (24) 2024

УЧРЕДИТЕЛЬ

ООО Научно-издательский центр «Социосфера»

Главный редактор –

Анна Сергеевна Коржавина,
e-mail: ackorgav@mail.ru

Общественный совет журнала

Антон Геннадьевич Хрулёв-Жуков, Татьяна Владимировна Авдеева-Кадникова, Алексей Алексеевич Питиков, Людмила Павловна Захарова, Игорь Юрьевич Коротков

Редакционная коллегия

Литературный редактор –

Лидия Терёхина (Лидия Ивановна Дорошина), e-mail: lidiya2305@mail.ru,
редактор –

Марина Владимировна Герасимова,
e-mail: cubernihellady@inbox.ru,
технический редактор –

Нина Александровна Шеменкова,
e-mail: n02011952a@mail.ru
специалист по связям с общественностью – Игорь Владимирович Табаков, e-mail: igor.tabakov.65@mail.ru
секретарь – Нина Викторовна Стёпочкина, e-mail: ninavs@mail.ru
дизайн – Никита Мошинский, e-mail: SwedenSew@yandex.ru
художник – Елена Кузнецова, e-mail: Elenakuznecova3905@gmail.com

Авторы несут ответственность за достоверность приводимых в публикациях фактов, цифр, цитат, статистических данных, имён собственных и прочих сведений. Мнения, выраженные в данном издании, являются авторскими и не обязательно отражают мнение редакции журнала.

Оригинал-макет – И. Г. Балашова

Подписано в печать 16.07.2024. Формат 60х84/8. Бумага писчая белая.
Усл.-печ. л. 5,7. Тираж 200 экз.

ООО Научно-издательский центр «Социосфера»
440046, Россия, г. Пенза, ул. Мира, д. 74-14
Тел. +79677016814
веб-сайт: <http://sociosphere.com>,
e-mail: sociosphere@yandex.ru

Типография ООО «Амирит»: 410004, г. Саратов, ул. им. Н. Г. Чернышевского, д. 88, литера У.
Тел. (8452)24-85-33

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЙНА. НАША БОЛЬ. НАША ПАМЯТЬ

Антон Хрулёв. Атака	3
Надежда Винокурова. Память	4
Виктор Глазунов. Эпизод	4
Владимир Антипов. Ожидание деда	5

ПРОЗА

Тома Городнова. Сюрприз	6
Сергей Возмищев. Про колдуна	10
Рустам Мавлиханов. Вниз по лестнице, ведущей вниз	12

ПОЭЗИЯ

Алексей Куприянов. Сонет	14
Отбоялась	15
Прозрачной озёр... ..	16
«В пору ягодных прорыв»	16
Вячеслав Грачёв. Берёзка	18
Дождь	18
Бубенчики счастья	19
Сентябрь	20
Уйду	20
Виктория Беляева. «В книге засушены маки – твои цветы...»	21
«В этом городе адрес всё время ищу...»	21
«В ладони у девочки боль да морозка...»	22
«Занавеской укуталось лето зелёное, дикое...»	22
«Ночь падает. В неё летит отец...»	23

ЧЕТВЕРГОВАЯ СОЛЬ

Марат Валиев. «В небе вечер, озоруя...»	23
Вячеслав Киктенко. Рубеж	24
Вера Варламова. Горицвет	25
Антон Шумилин. «Не разглядишь – Россия? Бразилия?...»	25
Татьяна Бодиш-Трунова. Колосок	26
Наталья Елизарова. «Вот так и вспомнится потом...»	26
Ольга Гиясова. О важно	27
Борис Рыжов. В ночном	27
Людмила Захарова. Нотки осени	28
Александр Фролов. Скачок	28
Ольга Корчагина. «От лета осталось всего ничего...»	29
Екатерина Каграманова. «Загорелся зелёный свет для небесного перекрёстка...»	29
Алексей Булыгин. Подснежник	30
Наталья Дурцева. Размышления	30

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Сергей Арутюнов. Служение и «сервис» (продолжение)	32
--	----

КРАЕВЕДЕНИЕ

Ирина Вассхус, Алексей Сузюмов. К родным берегам	36
--	----

ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

Лидия Терёхина. Человек дороги	43
Александр Зверовщиков. За миг до... ..	46

ПУБЛИЦИСТИКА

Арслан Абдуллаев. О Боге	47
--------------------------------	----

ВСТРЕЧИ ПОД «Я СЕНЕМ»

Тамара Химатова. Людмиле Захаровой	48
Александр Жаткин. Татьяне Рузаевой	48
Любовь Федянина. Сергею Филину	49
Алексей Питиков. Лидии Терёхиной	49

СУВОРОВСКИЙ ПОЛК

Сергей Жидков. «Как подумаю... аж колокольный звон...»	50
«Чёрных обстрелов сатира...»	51
«Лишь плитку «Алёнки» в зубах прикусив...»	51
«Мы вышли подышать над чадом производства...»	52
Олег Миронов. Работа найдётся	52
Александр Яшин. Народец	54
Скрепсы	55
Русские	56
Безумное чаепитие	56

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ

Наталья Александровская. Добрый Леший	57
Татьяна Деглина. «Да, сынок, твои игрушки ...»	60

ДЕТСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

Дарьяна Дёгтева. Для детей и взрослых	61
Алина Винокурова. Как корова спасла девочку	62

ВОЙНА. НАША БОЛЬ. НАША ПАМЯТЬ

Антон Хрулёв

Луганский фронт

Атака

Был бой.
На холм отряд наш поднимался,
и зарево стояло впереди.
Но страху ни один не поддавался,
сердца лишь колошматили в груди.
Кругом прилёты. Выходов не слышно —
наш миномётчик был уже убит.
На склоне цвет свой осыпала вишня.
Она молчала, как теперь молчит.
Замолкли пушки,
стихли стоны, ропот,
и автоматы больше не трещат...
Лишь раненый боец уже в окопе
спросил: «Ребята, где же наш медбрат?».

Был бой.
Живым немного кто остался,
но в памяти теперь уж навсегда
ребята из четырнадцатого БАРСа —
сынов Отчизны верных череда.

Надежда Винокурова

г. Курск

Память

Сегодня память в сердце постучалась,
Войной чужой с Афганской стороны.
Ведь сколько времени уже промчалось,
А мне всё снятся гор Афганских сны.

Дороги, тропы горных перевалов,
Засады духов, минные поля.
А нам родной земли там не хватало,
Берёзок белых, трелей соловья.

Гремело небо, и земля дрожала.
В горах Афгана. Целых десять лет.
Я помню, как нас Родина встречала,
Героями достигнутых побед!

Там не одно разбито было сердце
И полегло немало там друзей.
В том феврале. Нам в мир открылась дверца,
Под песнь и радость наших «дембелей»!

Виктор Глазунов

пос. Подлесный Пензенской области

Эпизод

Оказался я сегодня утром
На заброшенной капустной грядке
Маленьким, раздетым и разутым...
В остальном – всё, будто бы, в порядке.

Не кричу. Сучу ногами воздух.
Облака разглядываю в выси.
Им ведь, грозным, тоже нужен роздых,
А тут я вот только что родился.

Облака, совсем как одеяло,
Сотканное из пушистой ваты...
...Пелена тумана укрывала
Раненого ворогом солдата.

На лице младенческом улыбка
Между щёк чумазных расплывалась.
И земля качалась, словно зыбка, –
От разрывов бомбовых качалась.

Утекали силы понемногу
В землю из слабеющего тела...
Вдруг разведка вышла на дорогу
И нашла. И вовремя поспела...

...Я очнулся лишь в больничной койке.
Весь в бинтах, как голубец в салате.
И сестрички слышу голос бойкий –
Хлопотуньи в беленьком халате.

Владимир Антипов

г. Пенза

Ожидание деда

Мой дом покрашен и обвит
Листвой. Цветник перед дорожкой.
Забор железный, чудный вид,
Лишь с крыши капает немножко.

Без телевизора, газет.
Всё обихожено, но скромно.
В одной поре – и стар, и сед.
И место выбрано укромно.

Но одиноко мне порой.
Я жду, когда придёте в гости
На день Победы всей семьёй
В малометражку на погосте.

ПРОЗА

Томма Городнова

Томма Городнова (Тамара Геннадьевна Городнова) родилась 19 сентября 1971 г. в Воркуте.

Окончила художественное училище и педагогический колледж. Работала художником-оформителем, воспитателем, офис-менеджером, индивидуальным предпринимателем. Живёт в р. п. Бессоновка Пензенской обл. Участница литературного клуба «Я сень».

Сюрприз

«Дело было вечером,
думать было нечем ...»

Рассказ о двух юных особах, которые решили сделать родителям сюрприз. На дворе 198... какой-то год, славный город Сыктывкар – столица Коми АССР, как вы успели догадаться времена Советского союза.

Две подружки-авантюристки Томка и Ленка слонялись по городу. Денёк был осенний, солнечный, на небе ни облачка – настроение романтическое. Впереди выходные и несколько праздничных дней, почти каникулы. Надо придумать что-нибудь эдакое, интересное и необычное, рассуждали девчата. В кино на «Танцор диско» уже сходили несколько раз, в театр на «Летучую мышь» ходили, мороженого и пирожного наелись, скучно, в общем. И тут Ленке в голову приходит отличная идея: «А давай к маме, в Усинск, сгоняем?! Сделаем им сюрприз, и сами развеемся, помотришь, как мы живём». А я что, я всегда готова подружку поддержать, тем более в путешествие отправиться – обрадовалась Томка. Уже вечерело, собираться надо было быстро, пока не передумали. Пулей в общагу за документами и сумками. Пролетев мимо коменданта общежития Галины Петровны, со скоростью звука, оставив её стоять в недоумении с распростёртыми руками, подружки ринулись к кассам Аэрофлота. Будучи студентками 2-го курса художественного училища, запросто взяли билеты на самолёт в Усинск, по ученическому удостоверению со скидкой. Рейс был позд-

ний. Девчата сияли в предвкушении сюрприза и были в восторге от своей самостоятельности. Так как ехали знакомиться с Ленкиными родителями и братом, Томка надела узкую юбку с модным разрезом, новые белые полусапожки и куртку-ветровку. Довольная собой, она поднималась по трапу самолёта. Ленка тоже оделась красиво, но не так нарядно, зато у неё были длинные волосы, уложенные волнами. Удобно расположившись в салоне самолёта, подружки задремали, и время пролетело быстро. Хочу заметить, что Ленка не утруждала себя подробностями о том, куда точно они едут. Томка думала, что в сам город Усинск, и что их ждёт такси, ну, в крайнем случае, автобус. Но не тут-то было...

Самолёт приземлился. За окошком темно, моросило, а когда вышли из салона, оказалось, что и свежо, если не сказать холодно. Итак, почти ночь, Усинск, осень. С сумками наперевес, девчата бодро шагали к зданию аэропорта. По пути Ленка сообщила спутнице, что встречать их не будут, мол, сами доберёмся, там автобус ходит, ведь на то и сюрприз. В дороге девчата проголодались и решили заскочить в буфет, попить чайку и перекусить булочкой. Буфет уже закрывался, однако добрая буфетчица не оставила их голодными. Подкрепившись, подружки пошли на остановку. Оказалось, что последний автобус ушёл несколько минут назад, а следующий будет только утром. Такси тоже не было. Но Ленку это не остановило, и не насторожило, она уверенно сказала:

– Доберёмся на попутках, только надо выйти на другую дорогу.

И тут Томка поняла, что всё пошло не по плану. Что едут они не в город, а куда-то дальше: куда – Ленка показала, махнув рукой в противоположную от города сторону. Ну, Ленке видней, успокаивала себя Томка, она ж знает, она ж не первый раз... И они побрели вдоль дороги, начиная подмерзать, дождик постепенно усиливался. А зонт остался в Сыктывкаре, кто же знал, что будет дождь?! Продолжая идти навстречу тёмной мгле, девчата шутили и постоянно оборачивались в надежде увидеть попутку. Но её всё не было. Ленка оправдывалась:

– Тут попутки всегда бывают, но сейчас почему-то их нет. Дождь перешёл в ливень, подружки смеялись, кричали, прыгали, орали песни и продолжали идти. Состояние у них явно было нервное. С одной стороны дороги тянулся дремучий лес, чёрный-пречёрный от темноты, с другой – вдалеке появилось что-то огромное, оно стучало, двигалось; что-то горело и вспыхивало. Это напоминало фантастический фильм или другую планету. Ленка спокойно объявила:

– Это нефть, там где-то работает папа.

Томка сразу сообразила, что дом должен быть недалеко от работы, как у её папы шахтёра. Он рассказывал, что дорога занимает на автобусе минут 30–40. Эта мысль уже согревала. Продолжали идти вперёд, возвращаться было уже поздно, слишком много прошли. Настроение портилось, руки дрожали, зубы уже стучали от холода, ноги были по колено в грязи. Белые полусапожки покрылись чёрной, липкой массой, а Ленкины шикарные волосы прилипли к спине и лицу и перестали восхищать. Вдруг она радостно закричала: «Попутка!». Томка обернулась и увидела свет – это был свет фар. Фары приближались. Девчонки выскочили на середину дороги и стали изо всех сил махать руками. Вместо легковушки перед ними остановилась с грохотом огромная машина. Таких громадин Томка ещё не видела.

Дверь машины открылась, и водитель заорал, чтобы его слышали: «Быстро залезайте!». Колёса машины были выше человеческого роста, кабина где-то наверху, залезть в неё у девчонок не получалось. Водитель передвинулся на пассажирское сиденье, свесил руку, схватил Ленку за капюшон и втащил её в кабину. Следующая очередь была Томкина, но первая попытка не удалась, мешала узкая юбка, вторая тоже безрезультатна. Томка очень старалась залезть, задрав ногу максимально высоко. Шов не выдержал, затрещал и разошёлся, чуть ли не до талии. Только с третьей попытки Томку втащили за руки в кабину машины. Тот факт, что юбка пришла в негодность, ничуть не расстроил Томку, а Ленку и спасителя рассмешил. Наконец-то девчонки оказались в тепле, это было главное. Водитель не верил своим глазам:

– Сколько езжу, никогда не встречал тут пешеходов, тем более подростков.

Подружки рассказали ему свою историю, рассмешив и озадачив одновременно.

– А если бы я мимо проехал или раздавил вас – вы же прям под колёса бросились, мокрые курицы, – хохотнул водитель, а пассажирки смущённо хихикнули. – Говорят, в этих местах дикие звери водятся, кроме собачьего холода.

Тут Томке стало страшно: Ленка не говорила о зверях ничегошеньки. Пока ехали, подсохли, согрелись от печки и горячего чая из термоса, слушали музыку и были счастливы. «Вот это приключение, – думала Томка, – будет, что рассказать девчонкам из общежития. Только бы родители не узнали, а то выплут ещё, несмотря на то, что я уже взрослая, 17 лет всё-таки».

Ленка объяснила водителю, как могла, куда им надо, оказалось, ему не по пути, но он свернул со своего маршрута и довёз подружек до самых ворот так называемого посёлка нефтяников. Пожелав всяческих успехов, уехал.

Томка и Ленка опять оказались одни в темноте, уже полусухие, но всё ещё грязные и рваные, перед широкими решётчатыми воротами с надписью «Слава труду!». Оставалось только зайти за них и... Но из-за ворот на подруг смотрели десятки горящих любопытных глаз. Эти глаза вдруг зарычали, потом залаяли, а одна пара глаз протиснулась через створ ворот и бросилась к ним с каким-то щенячьим визгом.

– Найда! Найда! – радостно закричала Ленка и раскинула руки навстречу собаке.

Оказалось, это её собака. Найда прыгала, виляла хвостом, казалось, что она улыбается, повизгивая и фыркая. Другие собаки, немного поворчав, лениво, как-то нехотя, всё тише и тише, тоже завиляли хвостами. Девчата вошли на территорию посёлка и направились к Ленкиному дому-балку. Посёлок в основном состоял из балков, так их Ленка называла, они, как огромные бочки, а некоторые, как вагончики. До самого дома шли в сопровождении Найды и своры собак. Ленка сказала:

– На ночь почти всех собак спускают с цепи, потому что они охраняют поселение от волков. Людей собаки не трогают, а даже любят, а мою Найду, особенно уважают, уж не знаю за что.

И вот, наконец-то, Ленкин балок. Она, волнуясь, предупредила подружку:

– Томк, ты не распространяйся о том, как мы сюда добирались. Скажем, что сперва на автобусе, потом на попутке, и всё.

Томка, конечно же, с ней согласилась.

Ленка робко постучала, потом сильнее и сильнее. Томка взглянула на часы, стрелки показывали половину второго ночи. Стало неловко за поздний визит. Но тут в доме включился свет, послышались шаги, и дверь открылась. Изумленная, ещё сонная Ленкина мама радостно и одновременно тревожно воскликнула: «Как, вы! Вы откуда?! Да как же это...». На что Томка с Ленкой, не сговариваясь, хором огласили: «Сюрприз!!!».

Сергей Возмищев

Сергей Владимирович Возмищев родился 30 апреля 1976 года и живёт в Кирове-на-Вятке. Образование среднеспециальное. Рабочий. Ранее не публиковался.

Про колдуна

Колдун умирал.

В посёлке об этом особо не говорили, но я уже знал, зачем пожаловал к нам в дом с утра Председатель с Максаком. И все эти разговоры в сенях про дрова и урожай – не главное.

– Надо, Малой, – сказал Председатель, сжав мне плечо, – запомни, что он скажет. Вдруг важное что. Для нас, для посёлка, а. может, и для тебя. Давай.

Не могу сказать, что мне не хотелось ехать, но и горячего желания тоже не было. Восемь лет назад, ещё подростком, заплутал я в тех местах, собирая ягоды. И уже глубокой ночью понял, что пропаду, если никто не поможет. Последнее, что запомнилось мне в ту ночь – как обессиливший и отчаявшийся упал на корни какого-то большого дерева. Говорят – колдун спас. Не знаю. Но словно сон вспоминаю горящие, как угли глаза, седую курчавую бороду, звёздное небо и плеск воды. Несколько дней потом

отлёживался, словно избитый, и с температурой. Ну, колдун так колдун.

Про него в посёлке говорили мало. В основном недоброе. Сам он у нас не появлялся, но я слышал, бабы к нему иногда ездили со своими бабскими вопросами. Дом его стоял на другой стороне озера. И сейчас лодка, ловко направленная Максаком, несла меня туда.

Максак – бывший мент. Высокий, крепкий, резкий, с неприятным лицом мужик.

Когда-то его, невеста за что, выгнали из органов, сколько-то лет он занимался неизвестно чем, а потом оказался у нас, в далёком посёлке, и стал «правой рукой» Председателя, решая все вопросы, относящиеся к силовым ведомствам. О прошлом самого Председателя я ничего не знал, и

внутренний голос подсказывал мне, что это незнание намного предпочтительнее осведомлённости.

В лодке со мной оказались наполовину чем-то заполненный рюкзак и среднего размера топор. Я неспешно грёб около часа. Спешить было некуда.

Странно, но я совсем не думал о том, что меня ждёт. Я смотрел на далёкие берега, на чуть тронутую желтизной тёмно-зелёную полосу леса, на них, на высокое синее небо. Слушал шум ветра и плеск воды под вёслами.

И чем дольше я плыл, тем сильнее мне казалось, что всё это живо, смотрит на меня, и, возможно, даже ждёт. В конце пути это ощущение стало настолько сильным, что я почти забыл о цели своей поездки.

Втащив лодку на берег, я встал в начале едва заметной тропы.

– Шшшш... – шумела под ветром прибрежная трава, – погладь меня...

Я опустил на колени, и медленно провёл по ней рукой, пригибая стебли.

– Ммм... – застонала она, как давно не знавшая ласки женщина, – дашь знать...

Лес смотрел на меня, как на букашку, с высоты своего положения, и взгляд этот я чувствовал со всех сторон. Одновременно с этим было стойкое ощущение, что удивляться здесь нечему, что всё так и должно быть.

Тропа оказалась короче, чем я ожидал. Небольшой, обрастающий мхом бревенчатый дом на поляне, встретил меня тишиной. Единственное маленькое окно на восток, низкая, с виду очень крепкая дверь.

Входить было не страшно. Немного тревожно – да, но не страшно.

Мёртвых я видал. А выгонит – так быстрее домой вернусь.

Колдун сидел в самодельном, устланном медвежьей шкурой, кресле. Спиной ко мне. Я видел лишь одну потемневшую, загрубевшую от времени руку на подлокотнике. Закрыв как можно тише дверь, я замер.

Было слышно, как муха пытается пролететь сквозь мутное стекло маленького окна. Я огляделся: в доме имелась небольшая печь из камней, от которой ещё угадывалось тепло. Потемневшие шкуры на стенах, лежак, стол, древнего вида бочонок под ним. Кресло, напомнившее мне почему-то неприступный средневековый замок.

Рука с подлокотника исчезла.

– Есть ещё день, чтоб найти её. Пойдёшь за солнцем. Она сама заговорит с тобой. Ступай, – тихий, будто уставший голос, повелевал. Я вышел.

Удивления ни обстановка, ни эти слова не вызвали. Удивляло, скорее, собственное спокойствие. Вопросы в голове возникали, но, словно понимая свою незначительность, не решались высываться.

Когда солнце скрылось, остановился и я. Небольшой ручей слышался где-то рядом. В рюкзаке нашлись две банки просроченной тушёнки, наволочка с сухарями, недельной давности газета, спички и пачка дешёвых папирос. Все эти вещи казались теперь нелепым приветом из другого мира.

В сумерках кто-то постоянно шуршал травой, хрустел ветками, ухал, охал и стонал, но звуки эти не пугали, а информировали. Будто я находился в незнакомом городе, живущем своей жизнью и не обращающем на меня внимания. Но среди этой возни я вдруг услышал едва различимый, где-то на пороге восприятия, скрип. Нет, не показалось, вот ещё раз. И ещё. Этот звук был мне явно знаком, он звал меня сквозь чащу леса. И я пошёл, пробираясь практически на ощупь.

Остановился уже в полной темноте. Куртка моя была порвана, руки в кровь исцарапаны. Передо мной высилась огромная сосна, и в скрипе её ветвей я отчётливо слышал: «Восемь лет, восемь лет...».

Мощные корни её оказались такими тёплыми, что я заснул, едва упав на них.

Солнечный свет разбудил меня, просочившись сквозь веки. Я ощутил неожиданную лёгкость в теле. Лес шумел, но теперь он уже не казался мне чужим, незнакомым городом. Каждое движение в нём имело свою причину и смысл.

Обратный путь я прошёл, не глядя по сторонам. Рюкзак тяготил и цеплялся за прошлое, как якорь, и я бросил его. Есть не хотелось.

Колдуна в доме не оказалось. Вещи смотрели на меня выжидающе. Лодки на берегу тоже не было. Я присел, и погладил траву.

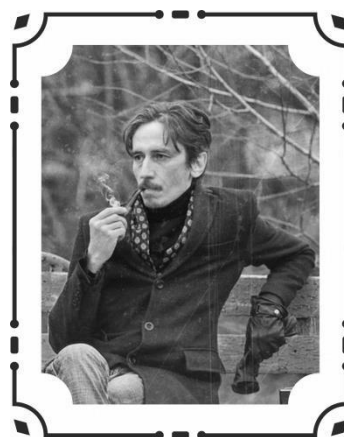
– В-о-о-т, вот... – зашептала она.

И я понял, что могу узнать почти всё, что захочу. И что теперь мне не нужно никуда спешить, что я и есть это озеро и этот лес. Мне стало спокойно, как никогда. А потом – тоскливо.

Рустам Мавлиханов

Рустам Мавлиханов родился 15 июля 1978 года и живёт в г. Салавате (Башкирия). Публиковался во многих журналах и альманахах.

**ВНИЗ по лестнице,
ведущей ВНИЗ
(из цикла «Али Маглен»)**

Ведь всё, ради чего человек живёт до конца – чтобы его внуки прошептали ветру имя его.

Чтоб не прервалась нить имён, потому что мертвец без имени – ничто. Потому что имя – это первая и последняя из душ человеческих.

И чтобы имя мирно истлело в памяти потомков, не оказавшись вырублено мечом и огнём.

Конечно, душно – и до смерти хочется жить, но что уж теперь поделать.

Вот и Адриан говорит: «Будущее мира больше не тревожит меня; я уже не высчитываю в страхе, как долго простоит на земле Империя, – я полагаюсь на волю богов. Не то чтобы у меня появилось больше доверия к их справедливости, у которой нет ничего общего с нашей, или больше веры в разумность людей; скорее, наоборот».

Наёмник с ним не спорит (не зря же я диванный миротворец) – он вторит: «Человек – самое храброе и привычное к мучениям животное, он не отвергает страдание как таковое, он жаждет его, ищет его при условии, что ему укажут смысл страдания... Господин мира – я. В ослепительно ярком свете вижу я себя в своём кресле-каталке, выбирающимся из галереи в пещеру; и из галереи напротив себе навстречу качу я сам, у нас у обоих по два автомата, приделанных к протезам, выцарапывать на стенах больше нечего, мы направляем все четыре автомата друг в друга и одновременно стреляем».

Мы похожи на человека, что спускается впотьмах по пыльной лестнице с разбитыми ступенями, усеянной высохшими мышинными шкурками. Развернуться бы и вверх – но уже слишком много пройдено. Уже не хватит сил. А потому осторожно, стараясь не думать о ноющих от ревматизма коленях, о спине, сгибающейся от усталости и напряжения, судорожно цепляясь за истлевшие перила (в трещины рук въелась грязь), человечество нащупывает следующую ступень, надеясь на ней перевести дух... но ступени крошатся, и лестница диктует: вниз, вниз, вниз. И, похоже, мы увидели выход, дверь, за которой – рукотворный, испепеляющий свет, который хуже первозданной тьмы.

И вроде никто не хочет туда, в этот свет, но у событий, порождённых людьми, своя логика, неподвластная этим самым людям – и может, лишь Бог ещё хранит нас от самих себя.

А потому и мы постараемся войти в неизбежное с открытыми глазами.

Поэзия

Алексей Куприянов

Алексей Николаевич Куприянов родился в 1970 году. Окончил ПТУ по профессии монтажник. Работал на заводе «Кузполимермаш». Теперь корреспондент «Любимой газеты». Печатался в «Суре».

Он исследователь и знаток природы родного края. Живёт в Кузнецке Пензенской области.

В борах, озёрах и дубравах...

Сонет

Высоты в жарах.

Знахарей-шмелей
гудок полдневный.

Коршуновы бденья.
Муравным склоном, с жертвой, на раденье
Взбираюсь, волхв дубрав, холмов, полей.

Алатырь-камень, там, где травы ближе
к небесным ветрам,
где желанней вздох...

К нему! Пока в полях не стало тише,
Пока боров-дубрав разброд не плох.

Плесну хранящим зарево напитком
по маковке холма.
Раскрою свиток
и начертаю пять заветных рун:

«Восстань, гряди союз дождей и зноя»!
И даст добро повременить с войною
Суровый несговорчивый Перун.

Отбоялась

Снизошёл на дворы и небо
 грозовой ураганный мрак.
Острым краем ветлы расщепя
 прободило избе чердак.
Уж не видящим оком окон
 робко выдавила слезу...
Бьются ветры, грозятся громы.
 Вопли во поле, стон в лесу.

Отбоялась.
 Уже не смутят
душу призраки непогод.
Достоять до ста лет (эх, ну ты!),
оставался, от силы, год.
Оставалось, от силы, лето
нас донянчить и дотерпеть.
Завтра ясного солнца света
её окнам не рассмотреть.

...Ты уедешь,
не наигравшись
вволю
цветом медвяных трав.
Опустеют луга и чащи.
Потускнеют огни дубрав.

Буду нервно бродить вдоль дола
(не до песен и ворожбы!),
вдоль, ползущего в бор угора,
мимо канувшей в хлам избы.

Прозрачней озёр...

Не дальней тайгой, не вдоль Карского моря
Иду с невеликой заплечной сумою...
По вздыбленным на междуречьях лесам!
По их необжитым суглинкам-подзолам.
Ищу хоронящиеся в них озёра,
Упрямо внимая воды голосам.

Покуда в ключах меж сосновых окраин
Соблюл неприметный озёрный хозяин
Капризных форелей заветный табун;
Пока плёсы долги и лезут в лощины;
Пока не затянуты окна сплавиной;
Пока не родился коварный зыбун –
Брожу по распадкам бугров и в долинах...

Дотошно и долго смотрюсь в седловины.
В их светлое око смотрюсь. Sterегу.
И верую, есть за холмом позабытым
Заветная тройка очей нераскрытых
И пара в затерянном в дебрях лугу.

Прозрачные очи сторонки былинной!
Вам многие лета и долгие зимы!
Да плещут вам полдни, и светит заря!..

Озёра – как горы: и манят, и строги.
Прозрачней озёр, разве только озёра.
И буйней озёр – разве только моря.

* * *

В пору ягодных прорв
Наша пустынь красна и угла,
То угрюма, то весела.
Я пойду по ягоду клюкву
За десяток вёрст от села,
Лишь найдёт прохладный багрянец
На листву и отаву пойм...

Но и летом, едва ль не ранец
Костяники за час другой!
Не сказать, мол, щедры – не плохи,
Урожаи, что лес распростёр.
В меру пряной-пьяной черёмухи
Над рекой, за шатром шатёр.

Лишь одно смущало немножко
Мой покой в пору ягодных прорв:
Почему не цветёт морошка
На болотах Сурских боров?

Эх, по локоть в ягоде дикой,
В сизом соке обе руки!..
До чего хороши с черникой
бабы Лизины пироги!
И полян земляничных ветрам –
– Не иссякнуть! Хоть нам рекли.
И брусничные километры –
– Терпкий сахар строгой земли.

Наготове в сенцах лукошко.
По малину! В Радищев грот.
...Но опять не взойдёт морошка
Средь калужин Сурских болот.

Возвращусь на пороге ночи.
Не пустой, всё ж, не без даров...
Отдых дам исстёганной плоти.
Поутру, не совсем здоров
Вторгнусь снова в просеки-стёжки.
Пропаду до закатных часов.
Но, хоть плачь, не найду морошки
На болотах моих лесов.

Вячеслав Трачёв

Вячеслав Геннадьевич родился 24 июня 1974 года в г. Никольске Пензенской области. По образованию фельдшер. Работал на скорой помощи. Публиковался в журнале «Четверговая соль», альманахе «Четверги» и коллективных сборниках никольских поэтов.

Живёт в Москве.

Участник литературного клуба «Я сень».

Берёзка

В моём саду растёт берёзка,
Качая серьги на ветвях.
Над нею – белая полоска
От самолёта в небесах,
И кот здоровый, полосатый,
Забрался сдуру высоко –
Глядит вокруг, расставив лапы.
Ему спуститься нелегко.
Как откровение покоя
Я помню сельский вид родной.
А ныне, надо же такое,
Я дружен с суетной Москвой.

Дождь

Серебристый дождь играет с листьями
Горделивых добрых тополей
И стучит в окошко каплей чистою,
Открывая часть души моей.

Под него былое сразу вспомнится,
Пронесётся чередой, как сон.
Жаль, что наше время так торопится
И недолог этот перезвон.

А годы летят всё быстрее
И ночью не хочется спать.

Не буду считать я потери –
Удачи пора сосчитать.

Не прожить бы, как пройти дистанцию,
Оставляя пыль и суету.
Что там будет на конечной станции?
Говорят, там ценят красоту.

А пока что дождь стучит, старается.
Это значит, жизнь ещё идёт.
За окном какая-то красавица
Зонтик над коляскою несёт.

А годы летят всё быстрее
И ночью не хочется спать.
Не буду считать я потери –
Удачи пора сосчитать.

Бубенчики счастья

Босыми ногами
По детству бегу,
Июньской тропой.
На зеленом лугу –

Большие деревья
И маленький я.
Как радостно жить,
Всех на свете любя!

Как бегать легко,
Без проблем и задач,
И как совершенен
Подспущенный мяч!

Мой велик чудесен –
С блестящим звонком.
И так интересно
Кататься на нём!

Кузнечики скачут,
Чуть слышно звеня.

Бубенчики счастья
В душе у меня!

Сентябрь

Его имя – Сентябрь,
Чистый, светел и свеж.
Он листвы канделябры,
Красит цветом надежд,

Пишет сумрачный вечер
Отражённый в луне,
Бьёт дождливою плетью
По дорожной спине.

Летний зной не вернётся.
При погоде благой,
Снова осень проснётся
И дарует покой.

Уйду

В том саду, где о чём-то судачат,
Сотни птиц, и беспечных цветов,
Я когда-нибудь выстрою дачу,
И спою в ней три тысячи слов.

А потом, пронесу по аллее,
Настроение летнего дня,
Сам себе расскажу, как умею,
Что поётся в душе у меня.

А когда беспокойный мобильник,
Мне напомнит, что жизнь суета,
Я его отключу как будильник,
И оставлю в тени у куста.

А потом вдруг, закончится лето,
Я покину свой личный Эдем,
И уйду в шумный город с рассветом,
Но, конечно же, не насовсем.

Виктория Беляева

Виктория Владимировна Беляева родилась в 1980 году в Ростове-на-Дону. Окончила исторический факультет Ростовского государственного университета (ЮФУ).

Историк, поэт, прозаик. Креативный менеджер рекламного агентства «Медиа Арт». Резидент АСПИР в Приволжском округе. Участник Сопевания молодых литераторов в Химках – 2023 г.

Лауреат многих престижных литературных конкурсов и премий. Печаталась в журналах и альманахах «Москва», «Сибирские огни», «Prosdia», «Нижний Новгород», «Симбирск», «Российский писатель» и др.

Приветы из далека

* * *

В книге засушены маки – твои цветы
ласковые. Их почтой отправил ты
в сборнике русских сказок сквозь материк.
Запахи южного мая сберёг внутри.
Мама читала сказки те перед сном,
И проводила по каждому из цветков:
Надо ж, отец не забыл, как люблю я их.
Я возражала, что маки для нас двоих.
Мама кивала и улыбалась в ночь:
Дальше читаем про Марью Моревну дочь?
Книга пропала после. Нашлась сейчас.
Сказку сначала снова хочу начать.
Маки прижались стеблями и лежат.
В междустраничье падаю не спеша.
Вижу большое поле в твоих руках,
Шёлковые приветы из далека.

* * *

В этом городе адрес всё время ищу,
по которому письма из детства летят.
К Рождеству снеговик вырастает толстяк,
на окно примостится вороний вешун.

Я ищу этот адрес. Я помню наш двор —
деревянную лестницу. Шторы из льна.
И гитары, бренчащие муть до темна —
я слова этих песен учила давно.

Я колонку ищу с животворной водой.
Я ищу этот адрес, как *dulcis terra*.
Твои тонкие пальцы в струе ледяной.
Ароматы, что прятали сны до утра.

Где-то скрипнет знакомо калитка о том.
И опять побежит тонкострунная дрожь,
а окажется гром, а окажется дождь.

Я не знаю тебя, этот адрес и дом.
Но откуда-то помню той тютюны вкус,
двор колодцем и крашенный теннисный стол.
Самолтиком брошенный с крыши листок.
Я ищу. Не найти этот адрес боюсь.

* * *

В ладони у девочки боль да морошка.
А он говорит: «Посидим на дорожку».
И крестит. И в щёку целует щетиной.
А девочке больше не два с половиной,
А девочке двадцать столетий не спится,
И море её — это горе из ситца.
Сожмётся ладонь, лопнут боль да морошка.
Подует и станет ей легче немножко.

* * *

Занавеской укуталось лето зелёное, дикое.
И слепой часовщик-дождь грибные минуты натикает.
Подоконник пропах мой твоими табачными пальцами.
Где-то птаха кричит, и горчит ароматом акация.
Я стекло затуманю губами и капелькой воздуха.
Одуванцы прибились к земле точно медные гвоздики.
Лето, дай согреться. И к солнцу пусти нашу лодочку,
чтоб под радугой плыть, приседая, как в детстве, на корточки.

* * *

Ночь падает. В неё летит отец.
Но встанет он, он сможет, наконец,
войти туда, где белым светом дышат
дворы, деревья, шиферные крыши.
Где бабушка ему который год
о вьюге колыбельную поет.

ЧЕТВЕРГОВАЯ СОЛЬ
подборка стихотворений участников и гостей
литературного клуба «Я сень»

Марат Валиев

г. Пенза

* * *

В небе вечер, озоруя,
Серебром раскинул сети.
В мыслях путаясь, иду я,
Обхватив себя за плечи.

Шелестят листвой осины,
Волком в поле воет ветер.
Кто-то молча смотрит в спину.
Я один на целом свете.

Этой ночью мне не спится.
С тишиной рассвет встречаю.
В небе звёзд мелькают спицы.
Дорогая, я скучаю.

Вячеслав Киктенко

г. Москва

Рубеж

Старик стоит на ветру, у ржи,
Как стоял на веку.
Поле к нему бежит, бежит,
Вытягивается – по колоску.

Я подойду к его рубежу,
Сяду среди колосков,
Хлеб с колбасой разложу,
Наемся, и был таков.

Ну что тебя, поле, томит,
Что ты в себе вынашиваешь,
Что там в тебе на меня шумит:
– Наше ешь, наше ешь, наше ешь...

Хлеб-то ведь свой у меня,
А полевая мышь,
Поле, тебе родня,
Хлебный крадёт катыш,
Крадёт, говорю, у меня!
Да лапками сама ворожит,
Да смотрит – ну что, мол, спрашиваешь?
Мышь, а и та на меня шуршит
– Наше, дружок, ешь, наше ешь...

Я хлеба не воровал.
Я с полем не говорил.
Старик мой табак курил,
Мне головой кивал.

Что ж свищут в меня долговязые птицы,
Что ж целят в меня голубые зарницы,

А в спину подталкивают ковыли –
Здесь, на сквозном рубеже, на границе
Воздуха и земли?

Вера Варламова

г. Пенза

Горицвет

Он над ржавою листвою
появляется весной
Это маленькое чудо –
Листья цвета изумруда!
Как огонь сияет цвет
Это жёлтый первоцвет
Он качает головой:
«Я не жёлтый, золотой,
Приношу я много лет
Вам от солнышка привет!».

Антон Шумилин

г. Пенза

* * *

Не разглядишь – Россия? Бразилия?
По шестерёнкам – ящерица желания
быть Кататики, быть Базилио,
поднятия, накопления и жевания.

Высекаются условные единицы,
искры третьего мирового пожара,
приказ – размножаться, запрет – делиться
и знать, что рука пожата.

По шахтам блуждают карнавалы истории
траекториями слепых котят.
Строили, строили и, наконец, построили:
вершки могут, корешки хотят.

Наталья Бодина-Трунова

г. Городище Пензенской области

КОЛОСОК

Золотистая пшеница –
Издали совсем, как дым,
Дружно в поле колосится
Под простором голубым.
В свете утреннем играет
С солнцем каждый колосок,
Зорьку алую встречает
Неказистый стебелёк.
Головой от ветра машет,
Силу из земли берёт,
Кто проходит мимо, скажет:
«Вот как хлеб у нас растёт».

Наталья Елизарова

г. Москва

* * *

Вот так и вспомнится потом:
мы – три фигуры в зимнем поле,
Кобель, виляющий хвостом.
Внутри ни радости, ни боли.
Прогулка, и почти что март,
пытаюсь догонять собаку,
а позади – отец и мать,
а впереди ещё, однако,
полжизни – поле перейти
по насту снежному, по корке,
где каждый шаг – провал почти
туда, куда уходят корни,
куда уходят тихо все
любимые
неумолимо.
Прогулка в средней полосе.
Машины пролетают мимо.

Ольга Туасова

г. Пенза

О важном

Как же нужно, чтоб кто-то ждал
На обед ли, на полдник, на ужин.
Как же нужно, чтоб кто-то подал
Градусник, ежели ты простужен.

Вечерами за круглым столом
Рассуждать про спорт и рекорды,
Отложить все дела на потом,
Заполняя словами кроссворды.

И забыть обо всём вокруг,
Прижимаясь друг к другу в постели.
Как же важен семейный круг
В этой будничной канители.

Борис Рыжов

с. Нижний Шкафт Пензенской области

В НОЧНОМ

В сон уже природу клонит.
Солнце скрылось на ночлег
Заслужив свободу, кони
Мчатся от своих телег.

Ждут в лугах их с соком травы,
Речка с чистою водой,
Песни ветра средь дубравы,
Звёзд мерцающих покой.

И летят они стрелою,
Споря с ветром, неспроста —
Позабыв узду с дугою
И удавку хомута.

Икупаются там в росах,
Отряхнут печаль из глаз.

И привидится им в грёзах
Небозвёздный конь Пегас...

Людмила Захарова

г. Никольск Пензенской области

Нотки осени

Лето нарядное сыпалось в прах.
Ласточек стаи готовы к отлёту,
На телеграфных висят проводах
Нотками мокрыми фраз мимолётных.

Сжатых полей золотая щетина
Колется, холодом льдинок звеня.
Блеском слюды дрожит паутина,
Осенью в сети поймала меня.

Нами написана песня прощания,
Песня разлуки звучит до весны.
Осень нам не даёт обещания
Видеть зимой разноцветные сны.

Александр Бурлов

г. Ростов-на Дону

Скачок

Росток сломал асфальта панцирь.
Где дом сгорел, там дивный сад.
В подземной келье старый пастор
Застыл с ключом у вечных врат.

В минуты крайнего отчаяния
Реальность режет, словно нож.
В изгибах блеклого мерцания
Далёких звёзд ответ найдёшь.

Горит цветок в безмолвной неге,
Струится лепестками свет.
Бег облаков в бездонном небе,
Плывущих миллионы лет.

Ступень наверх в пустую вечность,
Прочь с огненного колеса –
Оставить путь наш старый, млечный,
Начав скачок с Большого Пса.

Ольга Корчагина

г. Пенза

* * *

От лета осталось всего ничего,
Прошлое стало былью,
Но каждой осенью отчего
Я снова чувствую крылья?

По зёрнышку в памяти, как во сне,
Перебираю вчерашнее.
Какая же птица живёт во мне:
Дикая или домашняя?

Опять не хватило тепла и огня.
Смятение полёта просит.
Над суетой поднимают меня
Рыжие крылья осени.

Екатерина Каграманова

г. Ставрополь

* * *

Загорелся зелёный свет для небесного перекрёстка,
Понеслась неживым огнём пламенеющая звезда.
Утонул в золотой листве тот, кто с виду казался взрослым.
Тот, кто очень хотел быть взрослым, но чуть-чуть не успел им стать.

Плёнку жизни пустили вспять. Как бежали, паля по фрицам,
И как вдруг головою вниз повернулся осенний лес.
Как историю сдал на пять. Как на кухне учился бриться.
Как отец заставлял мириться, если в драку по-детски лез.

Мама пела: «Усни скорей...», яркий свет переполнил веки...
Оказалось, взлетать легко, остаётся лишь алый след –

Здесь в оранжевом октябре время замерло в человеке,
Оставляя ему навеки детский возраст – семнадцать лет.

Алексей Булыгин

г. Пенза

Подснежник

Из-под снега тихо, нежно,
Пробуждаясь ото сна,
Пробивается подснежник.
Улыбается весна.

На зелёной ножке тонкой,
Чуть склонившись и грустя,
Он стоит у кромки колкой,
Как смущённое дитя.

Солнца луч едва забрезжит –
Снег искрится и блестит.
Вестник – маленький подснежник
Мои чувства бережит.

Наталья Дурцева

г. Пенза

Размышления

Живу почти уже полвека,
И с горечью пришлось понять:
Не всякий раз моя опека
Приносит людям благодать.

Кому-то лучше «хата с краю»,
«Не сей добро, не будет зла!»
Но так я жизнь не представляю;
Я так бы точно не смогла!

На верный путь слегка направить,
Помочь немного, подсказать,
Лишь научить, как надо править
И смело за «штурвал» сажать.

ЭТО ВЕЧНОЕ ЧУДО ТВОРЕНИЯ

Фотографии с пензенского форума любителей-краеведов
«ПЕНЗОВЕД.РФ», основанного 6 июня 2012 года в г. Пензе

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Сергей Арутюнов

Сергей Сергеевич Арутюнов родился в 1972 году в Красноярске. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького по специальности «Поэзия» (семинар С. И. Чуприна и Т. А. Бек). Печатался во многих российских журналах, в газетах «Книжное обозрение», «Литературная Россия» и «Литературная газета» и во многих других печатных органах.

Доцент кафедры литературного мастерства Литературного института им. А. М. Горького, научный сотрудник Издательского совета Московской Патриархии, главный редактор портала «Правчтение.ру».

Служение и «сервис»

Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не всё ли нам равно?

А. С. Пушкин. Из Пиндемонти.

Окончание. Начало в № 1-2-3 – 2024

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОККУПАЦИЯ. В своё время мне приходилось много писать о самоубийственном, по сути, сговоре ведущих издателей между собой в чаянии максимально снизить влияние литературы. С тех пор ничего не изменилось: «ассортимент» книжных магазинов остаётся безудержно подлым, напичканным подделками, не стоящими ни в интеллектуальном, ни в нравственном отношении ни гроша.

«Бестселлеры» монопольного издательства «Эксмо» в 2023 году таковы: «К себе нежно. Книга о том, как ценить и беречь себя»; «Хочу и буду. 6 правил счастливой жизни, или Метод Лабковского в действии»; «НИ СЫ. Будь уверен в своих силах и не позволяй сомнениям мешать тебе двигаться вперёд»; «Таро. Полное руководство по чтению карт и предска-

тельной практике»; «Женщина, у которой есть план. Правила счастливой жизни». Позвольте не комментировать эти заголовки, из них и так всё ясно.

Право буржуазии определять интеллектуальную «повестку» уже несколько десятилетий как выступает могильщиком свободной мысли.

Прерогатива же произносить хоть что-то отличающееся от «актуальных» новостей или переводных гедонистических руководств принадлежит «малым издательствам», влачащих существование фактически за пределами книжных магазинов: «вход на рынок» крупных ритейлеров для них точно такой же запретительный, как для обычных сельхозпроизводителей.

Суть вопроса заключается не только в монопольном сосредоточении книжной сферы в одних руках, а в запросе государства на подобную монополию. Нужны ли ему вообще развитые сограждане, или основной навык их должен заключаться в правильном запросе на очередные кредиты?

Впечатление создаётся достаточно угнетающее: на откуп дельцам отдана самая неприкосновенная область культуры, словесная, в которой русский человек десятилетиями находил отдохновение от рутины, витал в мечтах, убеждался в их неисполнимости, но мечтал и мечтал снова.

Теперь такой возможности у него нет. Отдушина замурована.

И ничем иным, кроме как оккупацией, такое «рыночное» положение дел я назвать не могу.

«НАРОДУ НРАВИТСЯ». Мне довелось видеть счастливые лица сограждан – при телетрансляциях самых низкопробных музыкальных и юмористических шоу. Смех, улыбки, восхищённо приподнятые брови – мимика восторга. Сатира «поясничной области», сальности, обильно поливаемые пошлостями, делает область развлечений враждебной просвещению в любом из его видов. Подлинная культура светла и скорбна, а если шутит, то даже в остроумии видна эсхатологическая основа.

...Сказать, что «наши люди» темны, наивны, реагируют лишь на сниженные пласты смыслов, можно не только свысока, но и с горестным осознанием того, как ограблены и насильственно приведены к биологическому осознанию бытия миллионы пошедших даже не в науку и искусство высшего разбора, а на производство и в социальную сферу.

«Народу нравится» представляет собой эвфемизм, раскрываемый примерно так: – с народом нужно говорить прямо, грубо и весело, и мы будем говорить с ним таким образом, пока жива индустрия развлечений, не беря в расчёт, что поколение за поколением он будет натурально деградировать; – а заниматься снижением интеллектуального и чувственного уровня граждан мы будем потому, что ничего в людских массах веками не исправить, а шедевры свои оставьте себе, они вам ещё, возможно, пригодятся, но здесь такая валюта не ходит.

Убийственное «народу нравится» руководит не только господами с массовых телеканалов – это всеобщая политика.

Никаких намёков, терминов, аллюзий и тем более метафор. Стоять смиренно, не привлекать аналогий, вы не Христос – говорится практически в открытую чуть ли не любому «спикеру». В итоге «подогретые» темой эмоции с размаху бьются о стену, а любое инакомыслие, кроме заранее оговорённого, вызывает бурю негодования, в то время как интеллектуальное пространство независимой мысли, многократно разочарованное в самой возможности независимости, непоправимо и неуклонно сужается.

ДЫМОВАЯ ЗАВЕСА. Тем временем за кулисами русской драмы происходит беззастенчивый делёж средств и территорий, исходом из которого может быть лишь радикальная смена ментальности исконной российской территории.

За тридцать с лишним лет после Советского Союза стало совершенно ясным, что элитам абсолютно всё равно, будет ли им, кем править, или не будет. «Эти вымрут – завезём граждан примыкающих государств, как уже, собственно, и завозим».

В подобной управленческой парадигме можно просуществовать не одно десятилетие, передавая психологию «эффективного управленца» на три-четыре колена вперёд, и только потому, что народу пока и это «нравится». Плодиться и размножаться, как сто лет назад, он уже не планирует. Даже самый запущенный с виду, существующий на МРОТ, работник непременно скажет в отношении потомства «нищету плодить», и то же самое повторит за ним владелец «двух машин на семью».

Логика вырождения такова: во имя того, чтобы успеть «жить и дожить по-русски», следует как можно дальше отстраниться от понятийного ряда «страна–долг–честь–совесть», потому что его элиты беззастенчиво используют во имя обогащения.

Подать пример жертвенности при всеобщей усталости от жертв может лишь образованное сословие.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И СВЯЩЕНСТВО. В лучших представителях сословия интеллигенция не копировала, но повторяла образ именно что священства: доброта и мягкость, сочувствие и милосердие образовывали поведенческую этику сословия, не позволяли «пасть», удерживая человека в повседневности и не давая ему предаваться губительному себялюбию.

Интеллигент, не осознающий себя монахом от мирского знания, заранее обрекается на искания, результат которых часто вёл к поражению.

И поныне идея о том, что интеллигенция есть побочный продукт мирского познания, выглядит порочной и, в конце-то концов, несправедливой именно в своей «продуктовой» ипостаси, потому что для Господа никто не «продукт».

Утрата интеллигенцией веских позиций в обществе перед чиновничеством и буржуазией приводит к ситуации «круглосуточного соблазна».

О ЦЕЛЯХ И ЗАДАЧАХ. Люди с высшим образованием обязаны провести среди себе подобных особенную мобилизацию, суть которой бу-

дет носить характер общественного договора. То есть, сферы интеллектуального труда либо выступают в качестве кузниц бессеребренничества и разворота страны на исконные рельсы вдохновенного труда, либо будут влачиться в самом хвосте общественных процессов.

Сплотиться вокруг идеи жертвы при отсутствии внутреннего запроса и государства, и вообще правящего слоя, не питающего особенных чувств к людям простого сословия, немислимо, но именно этого от нас ждёт история.

Для того, чтобы осознать себя наследниками прежних интеллигентов, люди умственных занятий должны окончательно отринуть соблазны западной цивилизации и встать укрепленными лагерями там, где из рядов постоянно выхватывали самых ловких и удачливых, готовых в любую минуту сменить хозяина с отечественного на зарубежного.

Идея «конвергенции» – не для наших времён, когда Запад объявил нам войну. Дождаться заключения неизбежно позорного мира, «пересидеть» не выйдет уже потому, что решения приняты безоговорочно, и каждому предстоит выбор стороны. Русский интеллигент выберет Россию во всех случаях, и притом Россию порядка, а не хаоса. Вопрос только в том, не скрывается ли за порядком как будто бы суверенным некий тайный договор о доведении людей до крайности и вне номинальной смены режима с внутреннего на внешний.

Как бы ни было, миф об эмиграции и «безутешной ностальгии» вредоносен уже потому, что эмиграция до сих пор не видится биографической трагедией в первую очередь, а даже напротив, рассматривается как «счастливый шанс» покинуть Отечество в его самые горестные мгновения. Смешения понятий недопустимо: люди, покинувшие страну, не должны ничего диктовать нам ни при жизни, ни после смерти. Советовать – возможно, но не более. Герой не может покидать поле сражения, несмотря на то, что далеко не каждого из них можно объявить и дезертиром.

Сегодня интеллигенция служит правящему классу, но и завтра, и послезавтра она обязана служить своему народу.

Быть с народом означает не покидать его, жить с ним одной жизнью, но говорить с ним на языке высших понятий, приучать его к этому языку, не позволяя себе ни глумления, ни притворства, и разочаровываться вместе с ним, и веровать – с ним же.

С тем русская интеллигенция либо возродится как сословие духовное, либо впадёт в безвозвратное историческое ничтожество.

КРАЕВЕДЕНИЕ

Ирина Вассхус

Ирина Юрьевна Вассхус (Миронычева), родилась в Пензе в 1959 году. Окончила специализированную школу номер 6 (ныне 6 лингвистическая гимназия, Пензенский политехнический институт. Работала в разных должностях на предприятиях и в учреждениях Пензы, в том числе в Управлении информатизации Губернского банка «Тарханы». Затем уехала в Норвегию. Окончила курсы норвежского языка.

В настоящее время работает в финансовой фирме «Vasshus Regnskap».

Алексей Сузюмов

Алексей Евгеньевич Сузюмов – океанолог, чья научная деятельность связана с Мировым океаном и его морями, участник множества экспедиций на судах Академии наук, в том числе на знаменитом «Витязе». Он 24 года проработал в секретариате ЮНЕСКО, отделе морских наук, а ныне работает экспертом ЮНЕСКО. Живёт в Париже.

К родным берегам

Возвращаем полузабытое имя русского учёного-энтомолога
Г. В. Олсуфьева

Окончание. Начало в № 3-2024

*Чутко горы спят,
Южный Крест залез на небо,
Спустились вниз в долину облака.
Осторожней, друг, –
Ведь никто из нас здесь не был.*

Г. В. ОЛСУФЬЕВ В ПЕНЗЕ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И ПОПУЛЯРИЗАТОР НАУКИ

Как было сказано выше, в Пензу Олсуфьевы переехали после 1905 года. Здесь раньше жили его знатные родственники. Г. В. Олсуфьев работал, в частности, в Пензенском естественно-историческом музее, открытом в 1905 г. (и переименованном в краеведческий в 1924 г.), где заведовал кабинетом энтомологии. В 1913 году вышло его «Краткое руководство для собирания насекомых» издания Пензенского Общества любителей естествознания, членом которого он состоял.

Под Пензой Олсуфьев обнаружил новый вид жуков. Это был один из самых редких насекомых европейской части России, жук-паразит выхухоли, которому он впоследствии, в 1923 г., дал научное описание.

Возможно, для финансового обеспечения семьи он также служил, как кое-где написано, делопроизводителем Пензенского отделения Крестьянского поземельного банка.

Кроме исследовательской работы Олсуфьев в образовательных целях использовал новейшее достижение того времени – кинематограф. Его лекции проходили в кинотеатре «Аванс», основным распорядителем которого был Константин Карлович Цеге. Это кинопредприятие функционировало круглогодично: зимой на улице Московской, д. 8, летом – на улице Садовой, ныне Лермонтова.

Как сообщалось в «Пензенских губернских ведомостях» № 8 от 12 января 1911 г., «Аванс» перешёл в другие руки. В книге О. В. Сиротина «В начале киновека» (Пенза, 2009 г.), в частности, сообщается: «Новая дирекция намеревалась придать программам образовательный характер, начав с бесплатных воскресных показов для учащихся с групповым посещением по 200 человек. 13 января 1911 г. начала публиковаться и новая реклама «Аванса» – там была только хроника, видовые и научные картины. Имя преемника Цеге и Т. Д. Маринчева (крестьянин Трофим Данилович Маринчев был официальным компаньоном К. К. Цеге) вскоре стало известно.

Здание в Пензе, где располагался к-т «Аванс» (ул. Московская д. 8)

25 февраля та же газета поместила на одной из страниц благодарность Григорию Васильевичу Олсуфьеву за демонстрацию картин 6 и 20 февраля ученицам Рукодельных классов Пензенской воскресной средней школы. Именно Олсуфьев подал 29 апреля прошение об открытии на летний сезон электротeatра «Аванс». Дело Цеге явно попало в руки человека из передовой интеллигентской среды».

УЧЁНЫЙ РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Когда новая семья Олсуфьева покинула Пензу, точно не известно. Вероятно, это случилось вскоре после развода с первой женой. Потом, в послереволюционный период, в биографии Г. В. Олсуфьева начинаются пробелы, происхождение которых связано с переменами в стране, его родословной и жизнью после революции 1917 г.

Судя по опубликованным статьям, в 1916–18 годах Олсуфьев работал на Кавказе.

Достоверно известно, что в 1921 году он живёт и работает в Петрограде, поскольку от его внучки Евгении Николаевны, дочери Николая Григорьевича, известно, что после окончания гимназии в Пензе в 1921 году её отец Николай в возрасте 16 лет приехал в Петроград для получения высшего образования. Г. В. Олсуфьев принял его довольно холодно. Он считал, что сын был уже взрослым, чтобы позаботиться о себе самому. У Г. В. Олсуфьева уже была другая семья, послереволюционное время было очень тяжёлое, голодное, учёные бедствовали, многие едва сводили концы с концами. Были и голодные смерти.

В 1923 году Григорий Васильевич уехал на работу в Германию, а в 1924 году уже работал во Франции. Так, в статье 1935 г., опубликованной в Энтомологическом бюллетене г. Троппау (Опава, Чехия), Олсуфьев пишет, что в 1924 г. работал с коллекциями братьев Обертюров в Ренне (Франция). А в 1926–1928 гг. путешествовал с Рене Обертюром по Верхней Вольте (ныне Буркина-Фасо). Братья Обертюры были книгоиздателями и, как сейчас говорят, дилерами от науки – они продавали коллекции насекомых.

Олсуфьев работал во многих странах Африки. На Мадагаскаре он собирал коллекции для французского энтомолога Шарля Аллюо (1861–1949), которого французы называют «последним великим путешественником-натуралистом», работал вместе с ним в Марокко, затем исследовал Сахару, Нигер и Берег Слоновой Кости (теперь это Кот д’Ивуар). В 1926 г. Олсуфьев был в экспедиции в Бельгийском Конго (теперь ДР Конго).

Когда и почему он оказался на Мадагаскаре? Есть предположения, что это было сделано по совету председателя Русского энтомологического общества и коллеги по Зоомузею А. П. Семёнова-Тян-Шанского. Олсуфьев согласился собрать коллекцию насекомых острова и отправить её в Ленинград. Возможно, на это ему был выделен грант. По французским источни-

кам, уже с 1925 г. он был на службе генерал-губернаторства Мадагаскара. Действительно, в 1925 г. в Париже появилась его первая статья о насекомых Мадагаскара. Но это были не собственные сборы, а результат работы с коллекцией французского энтомолога-любителя, книгоиздателя, крупнейшего дилера по продаже насекомых для коллекций и разнообразных поделок из них Евгения Лё Муль (1882–1967), который к 35 годам собрал и скупил 4,5 млн. экземпляров бабочек и других насекомых. Его поделки, такие как целые картины из крыльев бабочек, вошли в моду в Париже. Известно о лекционной деятельности Олсуфьева в 1928 г. в Париже. Мы же скорее поверим его старшей дочери Ольге, с которой он некоторое время после отъезда переписывался, что переезд состоялся именно в 1928 г., после работ в Буркина-Фасо. Возможно, эта переписка с заграницей и многочисленные заграничные родственники-эмигранты способствовало тому, что Ольга Григорьевна оказалась в ГУЛАГе, в воркутинских лагерях.

Дополнительным доказательством отъезда Олсуфьева на работу на Мадагаскар именно в 1928 г. служат воспоминания энтомолога из остзейских немцев О. И. Иона о том, что в 1926 г. по пути из Риги во Францию, где получил работу, он сообщал о судьбе энтомолога Г. В. Олсуфьева, эмигрировавшего в Мюнхен, к которому О. И. Ион обращаться не стал: «бесполезно, нет связей». (Е. С. Соболева. Оскар Иванович Ион – исследователь и собиратель).

На Мадагаскаре Олсуфьевы жили в районе специального биосферного заповедника Перинэ, расположенного в восточной части острова. Это поистине «затерянный мир», там обитают крупные мадагаскарские лемуры. Кроме недалеко расположенных Коморских о-вов, эти животные нигде больше на Земле не встречаются.

Олсуфьев собирал там насекомых, отправлял их Ш. Аллюо. Собирал и коллекцию для ленинградского Зоомузея. Мы читаем на французском сайте, посвящённом жукам-скарабеоидам: «Будучи великолепным энтомологом, ввиду крайне неустойчивого материального положения, Олсуфьев был вынужден коммерциализировать свои сборы, которые часто делал вместе со своей женой...». Его коллекции бабочек считаются «весьма значительными». Позже семья переехала в столицу Антананариву. Там в доме четы Олсуфьевых собирался небольшой кружок профессионалов и любителей-энтомологов.

В Бюллетене энтомологического общества Франции за 1977 год французский исследователь Ж. Виетт очень высоко оценил мадагаскарские работы Олсуфьева и объяснил, почему сборы насекомых не попали к Семенову-Тян-Шаньскому: когда тот стал болеть и слепнуть, Олсуфьев сам занялся их изучением. Мы полагаем, что значительную роль сыграла также самоизоляция СССР, невозможность общаться с бывшими коллегами.

Стоянка экспедиции Аллюо в Западной Африке с участием Олсуфьева

Мадагаскар – четвёртый по величине остров мира, он расположен у восточного побережья Африки и отделён от неё Мозамбикским проливом. Мадагаскар не всегда был островом. Он вместе с Индией откололся от Африки примерно 160–165 миллионов лет назад, а около 65–70 миллионов лет назад отделился и от Индии, которая стремительно переместилась в северном направлении, столкнулась с Азией, в результате чего образовался горный пояс Гималаев. Благодаря своей изолированности, остров стал местом скопления эндемичных (сугубо местных) видов различных живых организмов. Там жили и развивались виды, вымершие в других частях света. Но там возникали и новые виды, не известные в других местах. В частности, это относится и к насекомым. Например, мадагаскарские бабочки, да и жуки, всегда славилась своей красотой и разнообразием, представляли научный интерес для биологов и высоко ценились среди коллекционеров. В начале XX века и вплоть до его середины коллекции мадагаскарских насекомых стоили очень дорого. Потом редких насекомых стали разводить в коммерческих целях на специальных фермах, и цены на них снизились.

В 1930-х гг. полностью обрываются контакты французской колонии Мадагаскар с СССР. Олсуфьев остался без финансовой поддержки, и все дальнейшие исследования вынужден был планировать и осуществлять на свои средства. Потом пришли 1937–1938 годы с их репрессиями, и война. Возвратиться на Родину Олсуфьевым стало невозможно. Публикации Олсуфьева долгое время были недоступны нашим специалистам.

В начале Второй Мировой войны он был вынужден продать часть своей коллекции, и его исследовательский материал в конце концов оказался в Национальном музее естественной истории в Париже в коллекции энтомолога-любителя Андре Сейрига, директора слюдяных шахт на Мадагаскаре. Он сам собирал насекомых, покупал их у других сборщиков и отправлял в парижский музей. Так часть коллекции нашего соотечественника оказалась в Париже. Ещё одна часть коллекции Олсуфьева, унаследованная его женой, была найдена в начале 1969 г., после её смерти, в её личных вещах в Доме престарелых в г. Анцирабе на Мадагаскаре. Выкупить эту

часть сборов у вдовы при её жизни не удалось по финансовым причинам – вдова Наталья сильно переоценила стоимость коллекции, и перекупщики отступили. В настоящее время судьба этой части коллекции не известна. Получается, что большая часть собранной в течение всей жизни коллекции насекомых и личные вещи естествоиспытателя утрачены, но его научные труды с детальным описанием таксонов сохранились.

Изучению насекомых Олсуфьев посвятил всю свою жизнь. В статье академика А. Б. Давидсона (2014) «Академия наук Мадагаскара – связи с Россией» он уважительно назван «учёным Российского зарубежья». Олсуфьев описал более 300 таксонов насекомых – родов, видов и подвидов, из которых около 170 признаются валидными, т.е. полными согласно международной классификации. Его многочисленные научные труды в дальнейшем легли в основу новых биологических исследований, отразившихся в докладах, статьях и диссертациях. В 1932 г. Олсуфьев был избран действительным членом основанной в 1902 году Академии наук Мадагаскара, старейшей Академии в Африке.

Одна из публикаций Олсуфьева в Бюллетене Академии наук Мадагаскара посвящена жукам-жужелицам (Антананариву, 1934 г.).

ОЛСУФЬЕВ НА МАДАГАСКАРЕ. КОНЕЦ ЖИЗНИ

По данным многолетнего исследователя жизни Г. В. Олсуфьева Ильи Клеймёнова (производителя специй на Мадагаскаре, блогера, нашедшего и отреставрировавшего могилу учёного), доживал Олсуфьев последние годы в г. Анцирабе (Мадагаскар) в доме престарелых. В феврале 1957 года его здоровье резко ухудшилось, и как члена Малагасийской Академии наук его положили на лечение в Колониальный госпиталь в столице Мадагаскара г. Антананариву, где он и скончался 17 июля 1957 года. До провозглашения независимости Мадагаскара он не дожил совсем немного. Похоронен Олсуфьев на кладбище для белых Анджанаари. Там же покоится и его жена.

Место захоронения и дата смерти Г. В. Олсуфьева в течение многих лет не были известны. Продолжительное время наш соотечественник И. Клейменов с женой, живущий на Мадагаскаре, проводил кропотливую работу по исследованию обстоятельств жизни и смерти русского учёного Г. В. Олсуфьева. Именно он разыскал и изучил очень немногие оставшиеся архивные материалы и документы, установил точную дату и место смерти, а также место захоронения Олсуфьева, а затем оформил его могилу, установив на ней мраморное надгробие на свои личные средства, оплатив при этом службе некрополя долги, накопившиеся с 1957.

Он совершил настоящий гражданский подвиг, отдав должное отечественному учёному.

Деятельность Г. В. Олсуфьева получила высокую оценку со стороны научных кругов и Межрегиональной общественной организации «Русское энтомологическое общество». Большая часть собранной в течение всей его жизни коллекции насекомых и личные вещи естествоиспытателя утрачена, но часть исследовательского материала находится в Национальном музее естественной истории в Париже (Франция), в коллекции Сейрига, и в Доме престарелых на Мадагаскаре, где русский деятель науки умер в полном забвении.

Но вот пришло время вернуть имя учёного на родную землю. И Пенза гордится одним из тех, кто здесь работал, кто внёс заметный вклад в свою науку, в её популяризацию, в просвещение пензенской молодёжи.

Могила Г. В. Олсуфьева до и после реставрации.

Фотографии с сайта И. Клеймёнова <https://aderley.livejournal.com/tag/Олсуфьев>

Ирина Вассхус на встрече с членами Пензенского областного отделения РГО рассказала о жизни Г. В. Олсуфьева и его вкладе в энтомологию. Затем состоялось торжественное спецгашение почтовых открыток с фотографией Г. В. Олсуфьева.

Открытки будут передана областному отделению РГО, Ирине Вассхус, и переслана в Париж Алексею Евгеньевичу Сузюмову.

НОВЫЕ КНИГИ. РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ

Лидия Терёхина

Лидия Терёхина (Лидия Ивановна Дорошина) родилась 23 мая 1950 г. в д. Тучковке Иссинского района Пензенской области. Живёт в Пензе.

Она автор более тридцати поэтических и прозаических книг, на её слова написано более 30 песен, выпущено два диска. Публиковалась в различных изданиях областного, регионального, республиканского и зарубежного уровня.

Лауреат ряда литературных премий, награждена знаком «За заслуги перед городом Пензой».

Основатель литературного журнала «Четверговая соль». Организатор и многолетний руководитель литературных клубов «Берега» и «Я сень». Член Союза писателей России.

Человек дороги

Обрывки знания – доброго ли, злого ли, а что ещё мы можем накопить, что есть абсолютно наше?

Мы выбираем путь и по мере сил и возможностей стараемся идти по нему. Стратегию своего пути Александр Зверовщиков обозначил в самом начале сборника с оригинальным символическим названием «Остатки суши»: «Двигаться дальше, мимо того, что считаешь глупым и незначительным, оставлять за спиной поступки, дела и взгляды... Читать гениев, любить людей, цитировать врагов, жалеть идиотов... и попробовать превратить всё это в слова и ритм».

Но что для поэта означают остатки суши? Дом на краю леса? Не пройденный остаток пути перед непроходимой территорией? Краешек земли возле Мирового океана? А может, сами наши материки и острова перед ликом Вселенной? Впрочем, это могут быть и остатки экзотического рыбного блюда, полюбившегося многим россиянам...

Да это и не важно! Важно, чтобы это было пройдено, пропущено через сердце, принято разумом, ну, или хорошо приготовлено. Конечно же, это я говорю о литературном мастерстве.

Сам-то автор о себе только и сказал «Я просто шёл», а вот стихи, они и до подноготной добиваются. Конечно, если это стихи. А у Зверовщикова именно они. Даже когда поспешно или коряво высказаны. Иногда нарочито. Но за всем – главное – путь и его, поэта, суша: лес, горы, побережье – в туманах, снегах, листопадах... Это его дом, каких «...полно на белом свете», но «к нему не проложить маршрут» и в который пустят отнюдь не каждого. Где он, этот дом? На каком краю суши? В лесу? На маленьком острове? На скалистом побережье? И это не важно, потому что наш герой «...дом оставил за собою». Тот дом, откуда видно, как «Пылает тьмою вечный небосвод», как «...небо прорезают / Следы ушедших Персеид», рождение звезды, сжигавшей время, как всё закончится на свете...

Поэт покинул «дом» и выбрал «путь». Впрочем, «Судьба у каждого – ДОРОГА / На спуск, впотьмах иль на подъём, / Развилки, поворотов много» – говорит он. Только другие выбирают пути проторённые. А он только свои, будь они «к далёким землям», по склону на севере Эльбруса или в бескрайних снегах Русского севера, или по «простреленной» фарами трассе... Он точно знает:

Свои пути – всегда тернисты,
Чужими – легче жизнь пройти.

Страшней чужих свои пути,
Они по силам для немногих.
(По-своему)
И везде:

...Ввысь к чёрно-белым небесам
Над лесом, тёмным и смотрящим,
По лестнице шагаю сам.
(Брату Лёхе)

И ещё он уверен, что «Не честь в дороге ждать наживы», что счастье «Не в том, что мы приобрели, / А в том, что даром в мир отдали» (Будем), что тогда «...будет долог / Миг, чтоб всё заново начать» (Время уходить).

Но идущий не растворяется в иномирье, его дороги и окоём наполнены земным, тёплым, тленным ... Он видит, как

Срываясь, яблоко тугое
В сок разбивается о ветки,

как огурец может дорасти до состояния, когда «...будет никому не нужен», как в созревающей пшенице свивают гнездо мыши, которые сожрут зёрна.

Он знает, что «...огородная среда / Покруче Ницше иногда». Но знает и другое:

Прямые поиски покоя
Приводят к гибели нередко!

Про это и многое другое стихи Александра Зверовщикова «Блюз осенней дороги», «Гимн серебряной нитки!», «Путь в небеса», «Снова во тьму», «Мчащиеся в грозу»...

Поэт называет силу, которой он движим, не без дольки юмора: «...источник по небу движенья – / Дело, горе, желанье и блажь».

Покинув «дом», обретя в путях-дорогах знания и житейскую мудрость, он всё же не избежал ностальгии по детству – ностальгии по дому и печали, только

Исчезло предвкушенье новизны
В листка рельефе, воробья полёте,
Шмеля в пыльце от мальвы – не вернёте.
Исчезло предвкушение новизны.

Ведь он видел, как его дворы семидесятых: «...люди, в будущее веря, Сломали...».

Александр Зверовщиков одновременно поэт-лирик и поэт-философ:

Добро не празднует побед –
Злу возродится так несложно.
(Засапозное условие)

Как точно эти две строчки отражают нынешние события мирового масштаба!

Он материалист, осознающий иное: «Закон случаен, риск закономерен» – монетка, подброшенная вверх, «Определяет ставку, цвет, судьбу» (Выбор случая). «Что есть на самом деле?», «суть небесного скитальца» – тоже о себе.

О себе и эти строки:

Врагам – чечен, друзьям – мордвин.
Никто, ни в жизни, не заметит,
Что я – чужой, что я – один.
(Рубаха-парень)

И это осознание:

Ярка, быстра безумная дорога.
Хорошего в конце её немного.
(Движение крыши)

А порой Александр Зверовщиков переходит от тонкого юмора к прямой сатире. Таковы короткие стихи «Тонкая грань», «Чудо», «Подход», «Почести», «Космическая суть», «Диван и экстрим», «Вышешкольная наука»...

Свой, особый, взгляд у него на поэзию: «На заказ», «В его, Бродского, мать!», и на музыку: Проклятие рок-н-ролла», «Старый рок»...

Возьми три точных быстрых ноты,
Свей нить простую, без затей,
Метни её зигзагами полёта,
Звук нитью гибкой в твёрдый воздух слей.

.....

Гитары гриф – теперь гортань и связки,
Вскользь тонким лезвием колеблется струна,
Без нот бумажных мёртвых, без указки –
Свободна и горячечна она.
(Соло)

Он обещает написать поэму под названием «Букварь»! А не каждый ли человек пишет свой «букварь» – всё с нуля?! Ведь, как утверждает Александр Зверовщиков, «Вопроса быть важнее не может: / Что мы оставим за собой?». И не согласиться с ним невозможно.

Александр Зверовщиков

За миг до...

Кто знает, сколько времени осталось, –
Так Воланд, усмехнувшись, говорил...
Вот только миг – это совсем не малость,
Прожить его – немало нужно сил,

Немало воли, знаний и отваги,
Умения принять всё на плечо
И до конца, не опуская флаги,
Попробовать, наверное, ещё.

ПУБЛИЦИСТИКА

Арслан Абдуллаев

Арслан Кудратович Абдуллаев родился 22 апреля 1980 года в Ташкенте, Пензу он называет «моя любимая малая родина, где я вырос, и родилась мама». Он окончил военно-медицинский факультет Ташкентской медицинской академии, травматолог, ортопед. Обучался в клинической ординатуре на кафедре «ТОиВЭМ» Медицинского института ПГУ. Диссертацию на соискание учёной степени кандидата медицинских наук защитил в Саратовском государственном медицинском университете. Врач высшей категории. Он неоднократно уезжал спасать раненых на СВО. Позывной «Лев».

О боге

Тема Бога на фронте... На войне неверующих нет. Независимо от религии, или вообще у отъявленного атеиста. Как-то в одной из мечетей в беседе с имамом мне понравилась одна фраза:

– Как бы ты не представил себе Бога, он всё равно выглядит иначе. Это было ответом на вопрос, почему нет изображений человека в мусульманских святых местах. И тогда, мне показалось, я понял, в чём суть веры. Высшая сила в дереве, которое даёт тень в жару. Просто в человеке, который пришёл к тебе на помощь в период, когда ты уже отчаялся и потерял надежду выжить. В глотке воды во время невыносимой жажды. В мине, просвистевшей рядом с тобой. Даже в хирурге, который делает тебе больные, но такие необходимые вещи. Великое благо ощущать и понимать то, что ты жив и относительно здоров, даже находясь на больничной койке. Иногда кажется, что жизнь несправедлива к нам, но это лишь очередное испытание, которое надо пройти и ощутить насколько ты стал сильнее, мудрее и разумнее. Значит, ты ещё чем-то полезен этому миру. Это никак не умаляет роли наших погибших товарищей. Их жизнь и смерть будет придавать нам сил и твёрдости в принятии решений, в оказании помощи другим бойцам, которые борются с собой, обстоятельствами и приближают нашу общую победу. Наши мысли, надежды и действия будут направлены на то, что велит нам наше сердце и душа. С Богом мои боевые друзья. Удачи в нашем тяжком и непростом искусстве.

ВСТРЕЧИ ПОД «Я СЕНЕИ»

Тамара Химатова

г. Никольск

Людмиле Захаровой

Ну, браво, Людмила Павловна!
Как пращурь от сохи,
Вы, всю свою жизнь созидательно
Проращиваете в стихи.
Вы, каждую мысль и мгновение
Рифмуете ночью и днём,
Без лени и сожаления
Печатая в свой альбом.
Как зёрна фильтруя от плевел,
Так строки от шелухи,
Вы кропотливо и тщательно
Взрастили свои колоски.
Но, обрета гармонию,
На фоне разгула стихий,
Вы сами-порыв стихии,
Стихии писать стихи.

Александр Каткин

с. Канаевка Городищенского района

Татьяне Рузаевой

Когда стихов прольётся нежность
Из глубины «кувшина с болью»
Нахлынет на меня безбрежность,
Что называется любовью.
Проникновенье откровенья,
Пронзая грудь, таит в себе
Электрошок прикосновенья
Души к душе, судьбы к судьбе.

Любовь Федянина

г. Пенза

Сергею Филину

Небеса занавесились тучами.
Настроенье моё на нуле.
Чтоб прогнать от себя мысли скучные,
Солнца лучик мне хватит вполне.

Нет зонта. Я бреду «мокрой курицей».
Дождь слезами течёт по щекам.
Вдруг, парнишка, бегущий по улице,
Крикнул мне: «Вы прекрасны, мадам!».

И от слов этих вспыхнула радуга.
И зажмурились в окнах коты.
Мир чудесен. И жизни вновь рада я.
И доступнее стали мечты.

Алексей Тютиков

г. Пенза

Лидии Терёхиной

Тает солнца первый лучик.
Ейный день в дела закручен...

Редактирует журнал:
Ёмкий текст, стихов – навал.
Хочет, чтоб у всех «на ах!»
И в рассказах, и в стихах...

СУВОРОВСКИЙ ПОЛК

Сергей Жидков

Сергей Вячеславович Жидков родился в 1985 г. в с. Вадинске Пензенской области. Окончил исторический факультет Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского, кандидат исторических наук.

Публиковался в журнале «Сура», коллективных сборниках и альманахах. Лауреат конкурса им. А. И. Куприна «Гранатовый браслет», областного фестиваля им. Д. Д. Злобиной, фестиваля «Пальма и Орфей» (г. Саранск), журнала «Сура», литературного конкурса «Душа Святой Руси». Соавтор в книгах «Рыцари вдохновения», «Дым интуиции».

Участвовал в работе клуба молодых поэтов «Берега».

Нельзя про Донецк молчать

* * *

Как подумаю... аж колокольный звон
В голове, прикрученной на винте.
Руки из рук выпадают вон,
Подбираю слова, а слова не те...

Разбираются зубы – кто здесь чужой?
Может, пятый? Колонна кричит: «Мы свои!».
Ну, тогда улыбайся, пока живой...
Ночь ударит – с веток вон соловьи,

День поддаст – обAGRится холмов халва.
Град падёт – разольёт жарких слёз ведро,
Вместо правды – кровь, вместо рук – рукава,
А слова, зачем нам теперь слова?
Что-то значат, но значат уже не то.

* * *

Чёрных обстрелов сатира,
Смерти летучая мышь,
Ты воинственно жаждешь мира,
Но зачем про Донецк молчишь?

Можно ж летописей бумагу
Оболгать и подделать печать,
Страусинье воззвать Гаагу,
Но нельзя про Донецк молчать.

Что напишешь ты пламенем синим –
Людобойства кровавый гротеск?
Обожая Москву или Киев,
За что ненавидишь Донецк?

Дни текут от резины к резине,
Всё весомей солдат позывной:
«Не Донецк под обстрелом, – Россия!»
На заклятие будущих войн.

* * *

Лишь плитку «Алёнки» в зубах прикусив,
Как сон о свободе из мордорской спальни;
Одной из живых, золотых, пятисотых,
Оставишь Россию как язвенный миф
И вся чешуёй обрастёшь либеральной,
Проворно скользя в атлантических водах.

Что скажут тебе колумбийские фрески,
В панаме от Прада бродящей под солнцем?
Селекция? Поиски? Новый вид?
Ты просто плывёшь среди свободных рептилий,
И паспорт почти... вот родишь в Аргентине,
А людям, живущим в коврах советских,
Ехидно прошепчешь: «Ещё вернёмся!»,
Потому что знаешь, кто победит.

* * *

Мы вышли подышать над чадом производства,
Мы рубленой походкой пересекли ангар.
В деталях – меж людьми нет никакого сходства,
А в общем, труд – товар, и человек – товар.

В курилке разговор невзрачный и короткий,
Поднадоевший трёп – когда дадут аванс?
И десять лишь минут скучают шестерёнки
Божественных машин, чеканящих заказ.

Пусть фронт переживёт фрагменты перекуров
И тени наших внуков придут сюда за нас.
Вовсю ревут станки, как бешеные дуры.
Напарник мой в ударе, и я держу баланс.

Олег Миронов

Олег Юрьевич Миронов родился и жил в г. Инта Республики Коми. За то, что сорвал концерт русофобствующего Андрея Макаревича, был осуждён. После освобождения уехал в Донецк сражаться с украинскими националистами. Боец народной милиции ДНР.

Печатался в журнале «Четверговая соль», в нескольких антологиях, в том числе в антологии донбасской поэзии «Великий Блокпост».

Работа найдётся

Донецк – интересное место. Мало чем отличается от большинства городов постсоветского пространства, но он интересен своими людьми. И теми процессами, что происходят в нём. Эти процессы происходят и в других городах русского мира, но здесь они обнажены, видны и показательны.

Выступили из-под плоти Земли шестерни Истории. Слышно, как скрежещут и гудят под давлением приводных сил. Зубцы ломаются с хрустом, продавливают друг друга, но механизм работает. И это на виду. В иных местах всё обросло бытом: квартирами в ипотеку, автомобилями в лизинг, кредитами под удобный и не очень процент. А тут всё видно: голо, страшно, зло.

Довелось мне пообщаться с донецким полицейским. Молодой парень. Работа не из приятных, конечно, но и не проходчиком в шахте. Местный.

По моемуговору сразу понял, что я из России. Разговорились.

– Много ваших, – говорит, – поприезжало в 14-м и 15-м, потом большинство уехало. Но много и осталось. До сих пор служат. Со всей России... С Иркутска, с Воронежа, из Хабаровска был один. Одного даже из Калининграда знал. Погиб под Светлодаром. И чего ему не жилось? Вот тебе Европа, вот работа у тебя – живи, да радуйся! Жену заведи, добра наживай, деток народи, родителям престарелым помогай.

Не имел он в виду, конечно, ту враждебную нам Европу, что опять устраивает против нас поход. В который раз, надо сказать. Имел в виду он аккуратные кёнигсбергские улочки, ухоженные парадные и прохладные в летний зной парки. Но прозвучала эта фраза режуще.

Разве не против «европейского выбора» на Майдане началась война в далёком 14-м?

Я вот и думаю. Как же так? Наших, нацболов только, сколько в земле Донецкой осталось лежать, сколько раненых отсюда уехало. А ведь и Сирия свой счёт по нацболам уже открыла. Война-то одна, по большому счёту. И война как раз за то, чтобы не надо было в рот Европе заглядывать и с замиранием сердца ждать, что же она, многомудрая, скажет. Чтобы вернуть России, большой России, я подразумеваю, той, что больше Российской Федерации, цивилизационную субъектность. Ту, что была потеряна в 91-м... Речь ведь идёт о выживании нации.

Выживание нации. Сейчас не 19-й век. И даже не 20-й. Сейчас все гораздо тоньше. Подлее тоже. Но тоньше. Это раньше, чтобы убить нацию, надо было истребить всех её представителей. Или хотя бы большинство. А сейчас в этом нет необходимости. Это даже вредно. Зачем убивать, когда можно использовать? Вырви у народа его корень, его сердцевину и получишь сладкие вершки и сочное его мясо. Землю и людей на ней, которые и для чужого дяди из этой земли соки отдадут. За зарплату.

Вырви, и нации не останется. Останутся люди. Не то, чтобы плохие – обычные. Работают которые. Кто в полиции, кто в сфере развлечений, кто ещё где... Но это уже не будет нацией. Это будет просто много людей, которые с удовольствием выучат и начнут разговаривать на чужом языке. Которым «живётся» там, где Европа (читай «культурные люди»), работа и мир. Работа – она всегда ведь будет. Если вдруг Киев захватит Донецк, то через какое-то время вы увидите в форме полицейского примерно такого же парня, в магазине увидите примерно таких же девушек. Которым нет разницы, в общем-то. В Великую Отечественную некоторые и при немцах, говорят, устраивались. Полы в ставках штабов мыли, услуги интимного характера оказывали, будучи полицией, опять же, за порядком следили.

Но то лютые фашисты были, а тут глянь-ка: европейцы с ценностями. Материальными и не очень.

Вот тебе Европа, могила Канта и прекрасная немецкая архитектура. А вот тебе Россия, Донецк, такой же как и многие другие русские города, и тоже могила. Только не Канта. А твоя.

Артём Прит писал однажды про своего одноклассника, что с началом войны уехал с Донбасса в Россию, оставив мать. Уехал для того, чтобы на корпоративах изображать Верку Сердючку. Театральный такой парень. Маме потом домой писал, когда дела в гору пошли, чтобы она ему платье сценическое выслала. Нравятся офисным работникам его выступления. Талантливый.

А вот Артём остался воевать, не захотел в женские шмотки рядиться. Теперь он без ноги живёт. Зато не в платье. А во вполне себе штанах.

Война идёт, друзья. Священная. Опять против Европы. И опять цена: выживание. Не всех, а тех, кто не хочет терять свою русскую душу. Кто её уже потерял – того это не коснётся. 21-й век на дворе – работа найдётся...

Александр Яшин

Александр Владимирович Яшин родился 10 июля 1980 г. в г. Пензе. Окончил профессиональный строительный лицей по специальности мастер-строитель. После службы в армии продолжает заниматься трудовой деятельностью в соответствии с полученной профессией.

Он автор сборника стихотворений «Русский камень преткновения», публиковался в журнале «Четверговая соль».

Я – русский Народец

Давно ли стал народ – народцем?
С каких-таких лихих времён?
Надолго ли он опоён
Своим заплёванным колодцем,
Что был когда-то окроплён?

Где человеки в нём без фальши?
Без хищных глаз, без слова «дай»?

Без думы свой оставить край,
Чтоб на чужбине кланчить дальше
Уже не русский каравай?!

Как верить вновь тому, кто предал
По вольнодумству отчий дом,
И утверждаться смело в том,
Что о приманке он не ведал,
Когда тянулся за плодом.

Во всём себя считая правым,
Народец влево клонит, но
Смакует красное вино,
И вновь на лацкане кровавым
Считает красное пятно.

С похмелья сватаясь к свободе –
Что излюбил, измызгал – он
Всегда винит в препонах трон!
Но утверждение есть в народе:
Свобода там, где есть закон.

Скрепцы

Для нас заморские «друзья»
Свезли красивые наряды:
Теперь вы – графы, не князья!
И были мы, как дети, рады.

Кривлялись долго у зеркал,
Забыв про плуг, косу и молот,
И каждый, чтоб забыть, искал
Причину вескую иль повод.

И плодородные поля
Мгновенно скрылись под бурьяном,
И, запустение суля,
Забор шатался в виде пьяном.

Но кто-то молот не забыл –
И показали нам осколки,
Ряды заснеженных могил,
Кабак, бордель и барахолки.

И кто-то каждого из нас
Призвал вернуться снова к делу,
Добавив вслед без лишних фраз:
«Своя рубаха ближе к телу».

Для нас заморские «друзья»
Везут красивые наряды...
Но мы не графы, мы – князья
Державы Русской, а не Рады.

Русские

Мне говорят, что я – не русский.
Что я – лишь смесь лихих племён,
Где русских не было имён,
И глаз у каждого был узкий.

Что не был русским граф Суворов,
И что «я – русский, не пруссак»
Мы сочинили просто так –
Без обсуждения и споров.

Мужам, исполненным соблазна,
Я отвечаю: дураки,
Нас даже злейшие враги
Считают русскими негласно.

Безумное чаепитие

Бальзаковского возраста поэтки
С пингвинами из области культур
Цедили чай для творческих натур,
И булками хрустели, как их предки.
Ругали власть, с наигранной печалью
Считали дни и думали о том,
Когда же, двери выбив сапогом,
Она им не позволит выпить чаю.

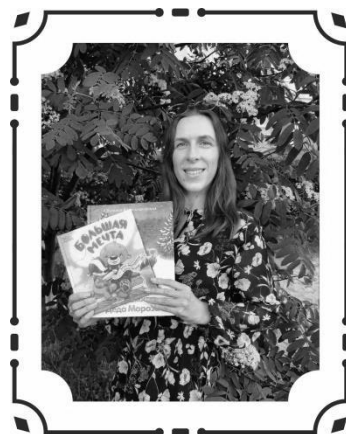
СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ

Наталья Александровская

Наталья Александровна Александровская родилась 9 ноября 1988 года в с. Ново-Павловка Кондольского р-на Пензенской области. Окончила медицинский колледж по специальности фармацевт и факультет педагогики и психологии Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского.

Автор нескольких книг для детей. Публиковалась в детских журналах «Мурзилка», «Радуга», «Вверх Тормашками» и журнале «Четверговая соль». Живёт в Пензе.

Добрый леший

Больше всего на свете Левонш Игнатьевич любит чурчхелу и пахлаву. И свою работу в детском театре «Тридевятое королевство». У него там главная роль – он играет Лешего. И никто не знает, что он и есть Леший. Настоящий! Живёт он в лесу, за городом, в самой его чаще. Каждое утро Левонш садится на конечной остановке в троллейбус. Наспех натягивает лакированные чёрные ботинки, пряча свои мохнатые лапы. Достает из мешка пиджак и присыпает зелёную бороду мукой.

Такая конспирация нужна для того, чтобы в лесу никто не узнал, что Леший тайно посещает город. Ему очень нравится работать с детьми. Хотя по инструкции Лешему положено их пугать. Да и взрослых тоже. В общем, всех, кто забредёт в их дремучий лес.

Подсаживаются другие пассажиры, и он теряется в толпе.

Он, наконец, скинул чёрные лакированные ботинки и расправил свои мохнатые лапы. Его борода снова стала зелёной. Городская пыль слетела с неё, словно мука с... Зелёный – любимый цвет Левона Игнатьевича – именно под этим именем его и знали в небольшом детском театре «Тридевятое царство», в буфете которого он продавал свои кулинарные шедевры. А в лесу он был Лешим. Самым настоящим!

По возвращению из города Леший варит в большом котле сок для чурчхелы. На стол он сыпет муку и принимается за тесто. Аромат разносится на весь лес. И вскоре на его крыльце собирается вся нечисть.

– Не по уставу нам сладостями лакомиться, – с набитым ртом говорит Лихо Одноглазое.

– Так мы не каждый день, – Леший отрезает ещё по куску.

– Так и зубы испортить можно.

– Ага, – радостно улыбается Кикимора своей зелёной улыбкой. – И фигуру!

– Оставьте кусочек! – из-за пригорка шлёпает Хмырь Болотный, держась за спину.

– Эка, как тебя прихватило, – вздыхает Леший. – Небось, опять на сквозняках катался.

Хмырь отмахивается рукой, потерплю, мол, и тянется за лакомством.

– Потом поешь. Пошли в избу – пиявок поставлю.

– Ага, потом! Знаю я их. Ведь ни крошки не оставят!

– Что-то не достаточно страшно ты сегодня уугал, – говорит Хмырь. – Путник даже до моего болота не добежал.

– Да будет тебе ворчать-то, – отмахивается Леший, ставя пиявки Хмырю на спину.

Хмырь довольно улыбается и тут же забывает свои недовольства. Всё-таки лучше Лешего в лесу никто лечить не умеет. И пахлаву печь тоже. Да и сам он не без греха. Есть у Хмыря тайная страсть – выменивать.

В лесу с ним уже никто не меняется. Вот он и ходит в город. Тайно. На рынок.

А ещё он любит делать луковые свистульки. И таскает зелёные сочные стебли лука для своего хобби с ближайшей овощной теплицы.

Но Хмырь бурчал неспроста. Ведь Леший – хранитель Камня Силы. А значит должен наводить на путников страх. Так, чтобы мурашки бежали наперегонки со сверкающими пятками. Но в последнее время все заметили, что Леший стал слишком уж добрым.

Камень Силы – большой зелёный изумруд. Вся лесная нечисть от этого камня подпитывается, волшебной силы набирается. Но только в лесу никто не знает, что Леший камешек давно потерял.

А в последнее время все как сговорились: «Покажи да покажи камень».

– Нечего просто так вам на него пялиться, – отнекивается Леший.

– Ну, хоть одним глазком! – просит Лихо Одноглазое.

– И не просите. Ещё пересмотрите! – строго повторяет он и закрывается в избе.

Кикимора, Хмырь и Лихо ворчат, но разбредаются по домам. Леший знает особую фразу «Ещё пересмотрите!». А этого никто не хочет. По лесным поверьям, если на камень одновременно посмотрят больше семи глаз,

то он потеряет свою силу. И тогда лес станет уязвим. Никаких тебе тайн, устрашающих теней и звуков. И люди, чего доброго, перестанут бояться лесных дебрей. Нечисть останется без работы и ослабеет.

* * *

Рядом с лесом был небольшой городок, в котором жила девочка Агата. Нет, там конечно много кто жил. Но и Агата тоже жила. Она мечтала стать актрисой. Но мама с папой почему-то водили её на шахматы. А за соседней дверью был театральный кружок. Агата быстренько выигрывала у учителя, и со словами: «Шах и мат» бежала подсматривать в щёлочку. Она знала спектакль наизусть. И когда одна из девочек заболела, роль предложили ей. Агата была очень рада. Она поделилась со своим другом Толиком, что пойдёт в лес, ведь ей досталась главная роль – внучка Лешего.

– Так ты что, хочешь найти Лешего? – опасливо огляделся по сторонам Толик, и вздрогнул от внезапного крика птиц. Он тоже пошёл в лес. Не одну же Агату отпускать.

– Конечно! Хочу поучиться у него всяким штучкам.

* * *

В тот день Леший собирался погрузить на своём крыльце. В одиночестве. Но вдруг услышал странные звуки. Он немедленно отправился в самую гущу.

– Сейчас быстренько напугаю непрошенных гостей! – Леший пробрался сквозь бурелом. Но вдруг повалился на землю от смеха.

На старом пне сидели Кикимора и Лихо, спутанные верёвкой. Вокруг них прыгали дети.

Мальчишка целился в глаз Лихо из водяного пистолета. А девочка громко-громко распевала песни. Так, что у Кикиморы уши закладывало.

– Левонш Игнатьевич?! Вы что тут, репетируете? – воскликнула Агата.

– Тс! – прижал он палец к губам. – Репетируем.

Кикимора и Лихо, освобожденные от пут верёвки, сидели у Лешего на крыльце и ждали угощений. Агата рассказывала про театр.

– Я буду играть внучку Лешего!

– У тебя замечательно получается! Кричишь ты громче самого Лешего, – подтвердила Кикимора.

– Да, отличная смена подрастает. А то наш Леший слишком добрый стал, – засмеялось Лихо.

Леший вышел на крыльцо с большим подносом своих вкусностей.

– Вкусно! – Агата первой попробовала пахлаву. – Я такую только у нас в театральном буфете ела, – сказала она, и подмигнула Лешему. – Там

же я и нашла этот красивый камешек. Девочка разжала ладошку, и Леший увидел потерянный зелёный изумруд.

Всех пригласили в театр. Леший тут же закружился волчком и радостно воскликнул:

– Как хорошо быть добрым Лешим!

Татьяна Деглина

г. Воскресенск Московской области

* * *

Да, сынок, твои игрушки,
словно бурей разнесло...»
На полу и под подушкой,
На столе и под столом...
И на кухне, и в прихожей,
Ну на что это похоже?»

Сын философ. Сын упрямый.
Заявляет: «Суета!
Знаешь, только время, мама,
Всё расставит по местам...»

ДЕТСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

Дарьяна Дёгтева

Дарьяне 10 лет, она учится в 3 классе 13-й гимназии
г. Пензы.

Для детей и взрослых

Каждый раз, когда на детском канале показывают мультик «Умка», мама с папой смотрят его вместе со мной. «Он же детский!» – говорю им, а они только улыбаются. Маме он нравится, потому что тёплый. Я удивляюсь.

– Какой же он тёплый? Там же Север: льды да морозы.

Мама объясняет.

– Тёплый, значит добрый и красивый. Помнишь, как грациозно мчались олени? Будто летели по бескрайним просторам – свободные, лёгкие, счастливые. Взрослые видят это и думают: вот бы нам так... А с каким удовольствием плыли медведи на льдинах? В следующий раз присмотрись к их глазам. Я в твоём возрасте весной с ребятами тоже на льдинах катаюсь. Эх, и доставалось от родителей!

А ещё этот фильм о дружбе. Помнишь, как хорошо было детям играть вдвоём? Они оба малыши, у них свои радости, и они прекрасно понимают друг друга. А сколько в мультике юмора! Умка говорит: люди тоже закрывают носы, чтоб их не заметили рыбы. А шапку мальчика называет второй головой. Сочувствует, ему, что нет хвоста, и тут же успокаивает: потом вырастет! Этот фильм ещё и познавательный. Маленькие зрители узнают о кочевье оленеводов, о том, что в космосе есть созвездие Малой и Большой Медведицы. А ещё мне нравится там музыка. Прислушайся, как звуками нарисована метель в начале фильма, как уместна этническая мелодия барабанов, когда медведица рассказывает легенду о солнце и рыбе, как торжественны аккорды весны и радостны крики чаек. Но главное му-

зыкальное чудо – это колыбельная Медведицы, не зря её так полюбили все дети и взрослые.

– Мама, споёшь её сегодня мне перед сном?

– Конечно!

Я тебе многое рассказала, но специально не назвала главную тему фильма. Как ты думаешь, о чём он?

– Мама, ну, конечно о материнской любви! Это же каждому понятно.

– Как же я рада, что ты это чувствуешь, дочка!

Мама обняла меня и прижала к себе.

– Эта любовь, продолжала она, передаётся не только поступками и словами медведицы, но даже интонацией голоса, движением тела. Это очень нужный и талантливый фильм. Когда-нибудь ты вырастешь и ...

Мама замолчала и улыбнулась.

Алина Винокурова

Г. Курск. 5 лет.

Как корова спасла девочку

Жила девочка Ева. Она часто ходила с родителями в лес по грибы и ягоды. Лес был недалеко от их дома. Однажды она решила пойти туда одна, чтобы набрать грибов мамочке в подарок.

Грибы в лесу росли почти что под каждым деревом. Они будто заманивали её в чащу. Девочка переходила от грибочка к грибочку, её ведёрко уже было наполнено с верхом. А солнце уже закатывалось за верхушки деревьев.

Откуда ни возьмись, выскочил волк. Ева от испуга замерла на месте. От страха она забыла, в какую сторону надо бежать. А Волк стоял и думал: съесть девочку или нет.

Неподалёку на лужайке паслась корова Бурёнка, она всё видела, но заступаться за девочку боялась. Она потихоньку вышла на опушку, где паслось стадо, и рассказала всё своим друзьям. И коровы дружно побежали в лес.

Волк, который всё ещё думал, как поступить с девочкой, хотел убежать, но самая смелая корова с разбегу подцепила его крутыми рогами и закинула на дерево. Так Бурёнка спасла Еву и привезла её домой.

Девочка рассказала папе и маме, что с ней приключилось в лесу, и пообещала больше никогда и никуда не уходить из дома одна.

СОБЫТИЯ. ДАТЫ

ВСПОМНИМ

Олега Михайловича Савина – 3 июля
Гавриила Романовича Державина – 8 июля
Бориса Николаевича Полевого – 12 июля
Фёдора Николаевича Ракушина – 19 июля
Юрия Борисовича Самсонова – 21 июля
Владимира Николаевича Давыдова – 4 августа
Александра Александровича Блока – 7 августа
Александра Ивановича Куприна – 25 августа

Ещё раз про любовь

...Если сосчитать количество написанных за неполные десять лет картин, эскизов, этюдов Еленой Ивановной Штефан, то их уже за сотню. Возросла техника, пишется легко. Но вот беда: кисть за душой не поспевает – сколько красоты вокруг!

Те, кто видел работы Штефан, наверняка почувствовали её радостное, чистое восприятие жизни. В картинах нет безысходности, тоски, отчаяния. Разве что в изображении заброшенной деревеньки, где мимо заколоченных изб ковыляет с ведром по снегу сгорбленный дедок, – щемящая боль за обиженную людьми землю. Не смогла не вылить её на холст, увидев картину чёрной осени остывающей деревни, но прикрыла эту черноту чистым снегом и оживила маленькой фигуркой: связь неминуемо уходящего прошлого с надеждой на светлое будущее.

«Наш прадед» – так называла художница портрет своего отца. В этом названии, обращённом к внукам, – суть её творчества. Хочет она сохранить для потомков нынешний наш мир во всём его многообразии: в лицах людей и красоте природы, нетерпеливом детском восторге и нежности утреннего инея на зимней берёзе, в буйных красках летних букетов и потухающем розово-золотом закате на осеннем озере.

Далеко в поисках натуры не ходит: все пейзажи – картины окружающей Барковку природы. В натюрмортах – фрукты из своего сада. Изумительные по яркости, кажется, даже источающие аромат цветы списаны с тех, что выращивает Елена Ивановна на собственных клумбах летом и на

окнах круглый год. А на портретах – члены семьи, близкие, их друзья, соседи по даче, которым нравится общаться с этой удивительной, прежде не приметной женщиной, которая, оказывается, умеет так красиво да похоже рисовать.

...Первая персональная выставка её работ была приурочена к шестидесятилетнему юбилею. Представили её зрителям как самодеятельного художника: в Союзе художников не состоит, профессионалы её «своей» не считают. К званиям Штефан не стремится, но охотно «выставляется» везде, где предлагают: пусть люди видят её работы, ведь именно в этом их смысл. Двадцать одна работа осталась в Пензе, а более сорока Елена Ивановна отвезла во Владимир, куда приглашали её представители областного центра народного искусства...

– Мне интересно стало жить с моими картинами! Трудно, конечно, но интересно. И чем дальше, тем интересней. И я всё люблю: детей, цветы, деревья, птиц! Скворцы прилетели, гнёзда свои оформляют! Утки в нашем озере плавают! Внуки растут, меняются с каждым годом! Сейчас жду, когда расцветут мои пионы: начала писать их прошлым летом, но не успела закончить – завяли они, яркость потеряли. А картина должна получиться замечательной! Только бы побольше успеть сделать для людей, внуков, для города! – Елена Ивановна не просто говорит: каждая её фраза – восклицание. Обилие этих знаков в тексте – не стилистическая ошибка, а попытка передать радость и любовь, переполняющие душу художницы.

И, следуя примеру поэта, тоже воскликну, не опасаясь высокопарных слов: «Пусть не погаснет эта Радость и вечной будет Любовь, обращённая в завтрашний день!».

А. Краснова,

«Доброе утро», 14–16 мая 1993 г. // Признание в любви / сост. Л. Горюнова. – Пенза, 1998 г.

ПОЗДРАВЛЯЕМ

Ларису Москвитину – 2 июля

Илью Царёва – 15 июля

Надежду Винокурову – 19 июля

Валентину Филатову – 20 июля

Татьяну Бодищ-Трунову – 28 июля

Владимира Ознобина – 14 августа

Александра Зверовщикова – 31 августа

Музыкально-поэтический фестиваль им. Лидии Терёхиной Дорошиной «На всех ветрах» – 2024

В районном центре Исса Пензенской области в третий раз состоялся музыкально-поэтический фестиваль «На всех ветрах», посвящённый творчеству писательницы Лидии Терёхиной (Дорошиной), который уже становится жемчужиной в ожерелье культурных мероприятий региона.

Организацию праздника поэзии и музыки взяла на себя администрация Иссинского района. Площадки фестиваля разместились на территории Берёзового парка.

В фестивале приняли участие поэты и барды из Санкт-Петербурга, Пензы, Заречного, Никольска, Лунино и других мест. Завершился праздник выступлением Губернаторского ансамбля Старгород и солистов Анатолия Николаева и Михаила Рудакова.

В мероприятии приняли участие члены Союза писателей России Марина Герасимова, Татьяна Кадникова (Авдеева), Вера Дорошина, Вячеслав Филонов, Нина Шеменкова, Светлана Попеева, начальник Управления культуры г. Пензы и председатель Пензенского регионального отделения Российского Союза писателей Вера Фейгина, член этого Союза Людмила Захарова, поэты и авторы-исполнители Александр Зверовщиков, Александр Заносиенко, Сергей Полторацкий, члены поэтических клубов «Я сень», «Рифма» и клуба авторской песни «Оберег» Лариса Москвитина, Виктор Глазунов, Наталья Каресли, Лидия Белова, Надежда Соина, Святослав Кучер, дуэты «У камина» – Вячеслав Бахтин и Людмила Гордеева и никольчане Нина Борисова и Юрий Афанасьев.

Участники фестиваля награждены памятными статуэтками и дипломами.

Презентация

2 июля в областной библиотеке им. М. Ю. Лермонтова прошла презентация антологий «Поле битвы» (русские поэты о войне и мире) и «Поэты Заречного – фронту!».

Во встрече участвовали руководитель Пензенского регионального отделения ВООВ «Боевое братство», члены СП России Валерий Сухов, Ольга Коршунова, Виктор Иванов, Лидия Терёхина, Татьяна Кадникова, Вячеслав Филонов, Светлана Попеева, Ольга Правдина, поэт и бард Валерий Александров и другие.

По видеосвязи из Санкт-Петербурга собравшихся приветствовал редактор-составитель сборника «Поле боя» Михаил Зверев.

В № 1-2024 было напечатано стихотворение одного из любимых наших авторов под именем другого, не менее любимого. Редакция приносит извинения обеим сторонам и в этом номере публикует стихотворение под подлинным авторством.